

Н.Ф. Каптерев

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ II

ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ

Николай Каптерев
Собрание сочинений. Том 2

ТД "Белый город"

2008

Каптерев Н. Ф.

Собрание сочинений. Том 2 / Н. Ф. Каптерев — ТД "Белый город", 2008

Впервые в России выходит собрание сочинений выдающегося историка и общественного деятеля члена-корреспондента Российской Академии Наук, профессора Николая Федоровича Каптерева (1847–1917). Его труды составили эпоху в изучении русской истории и еще при жизни исследователя неоднократно отмечались премиями и наградами. Представляемые в настоящем издании работы посвящены русско-греческим церковно-государственным связям и написаны на основе изучения обширных архивных материалов, многие из которых автор впервые ввел в научный оборот. Труды Николая Федоровича Каптерева сохраняют актуальность и до настоящего времени остаются непревзойденными.

ББК 86-372

Содержание

Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия[1]	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Федорович Каптерев

Собрание сочинений. Том 2

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

интернет-портал «Православная книга России»

www.pravkniga.ru

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVII столетия¹

Настоящий очерк сношений иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия составлен главным образом на основании так называемых «греческих» и «турецких» дел и статейных списков, хранящихся в Московском архиве Министерства иностранных дел. Другие источники, какими нам приходилось пользоваться, указаны в самом тексте.

При написании очерка сношений иерусалимских патриархов с русским правительством мы имели в виду объективно и строго документально изложить исторический ход этих сношений, представить, как было дело за взятое нами время почти исключительно словами самих документов, не вдаваясь в критику, в какие-либо особые выводы и обобщения, почему на наш очерк следует смотреть почти как на сборник по данному предмету рукописных документов, доселе почти не изданных, доселе мало или совсем еще неизвестных.

1 ноября 1895 г. Н. Каптерев

¹ Опубликовано в: Православный Палестинский сборник. Т. XV. Вып. 1. СПб., 1895.

Глава 1

Сношения патриархов Германа и Софрония с русским правительством

[С. 1] Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством начались около половины XVI столетия. До этого времени встречаются в наших летописях и актах только короткие упоминания об отдельных случайных лицах, которые иногда приходили из Палестины на Русь для сбора милостыни. Так, под 1371 годом наша летопись говорит: «Прииде из Ерусалима некоторой митрополит, имянем Герман, на Русь, милостыня ради и искупления дльга, понеже бо много им насилие от поганых сарацин». Под 1376 годом говорится: «Прииде некоторый митрополит, имянем Марко, от Святыя Богородица из Синайские горы на Русь милостыня ради. Потом же в то же лето прииде из Иерусалима архимандрит, именем Нифонт, из монастыря Архангела Михаила, иже в Иерусалиме, на Русь, также милостыня ради и паки, собрав милостыни, отиде и ста тем на патриаршество Иерусалимское»². Прежде 1462 года встречается отпустительная грамота Иерусалимского патриарха Иоакима великому князю Василию Васильевичу, в которой патриарх пишет: «Разумеваем о господарстве ти, еже еси человек благочестивый и православен и [С. 2] православным и христоролюбивым родителем наследник и въсприятель, и ближний сын и друг святыя Христовы Церкви. И сего ради еже еси явился всегда послушающим к ней верою и покорением и честью, и того ради и мы имеем тя благословенна от Бога и прощенна»³. Под 1464 годом в летописи встречается такое известие: «Марта 4 Феодосий митрополит поставил некоего перу салим лянина, Иосифа именем, брата патриарха Иерусалимского, в митрополиты в Кесариа Филиповы; а и той брат его, патриарх, пошел был на Москву милостыня ради, понеже бо истома бе им от египетскаго салтана, и не дошед преставился в Кафе; и той Осиф восхоте быти на его место, и тако поставися zde от митрополита нашего и от епископ земля руския, поиде назад, много сбрав милостыни, и не доиде своа земля»⁴.

О пришествии в Москву брата Иерусалимского патриарха Иосифа и поставлении его в митрополиты Кесарийские более подробно рассказывает дошедшее до нас послание московского митрополита Феодосия к новгородцам и псковичам о милостыне на искупление Гроба Господня. Митрополит Феодосий писал, что пришел на Русь протосинкелл Иерусалимского патриарха Иосиф, нареченный своим братом, патриархом, митрополитом Кесарии Филипповой, и известил и поведал нам о страшном землетрясении в Иерусалиме и о падении купола в храме Воскресения. Египетский султан, которому подчинена Палестина, хотел воспользоваться этим обстоятельством, чтобы окончательно разрушить храм Воскресения и на месте его построить мечеть. Тогда патриарх Иоаким предложил [С. 3] султану выкуп за храм, и султан потребовал было 10 000 золотых венецианских, а потом с трудом согласился на шесть с половиной тысяч, в чем перед султаном поручилось много христиан, и, кроме того, в заклад отдана церковная утварь. Не зная, где добыть необходимую на уплату долга сумму денег, и ввиду того, что греческая, сербская и болгарская земли, из которых ранее шла милостыня Святому Гробу, порабощены были неверными, патриарх Иоаким обратил свои взоры на православную Россию. «Слышав (патриарх), – говорит послание, – нашу святую веру непорушную, юже от богопросвещеннаго Владимера в русских землях от многих лет провоссиявшю, и в Божией воли исполнену, и благочестием цветущю, якоже и свет солнечный, и тако уповая от сих на

² Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. VIII. С. 18 и 24.

³ Акт. ист. Т. I, № 72.

⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 151.

благое, и подщався, Господа ради, сам пойде в землю нашу, хотя нам, по вышней ему силе благодати Святаго Духа, дати двое благословение от руки своея и прощение грехов даровати, иже верую к нему исповедавшимся; и тако святые милостыня просити к живодавному Христову Гробу, на созидание святые тоя Божиа Церкви на искупление иже от поганого». Но, приехав в Кафу, патриарх заболел и умер. К великому же князю и к нему, митрополиту, патриарх, умирая, послал свои грамоты с благоволением своим и с просьбою о милостыне Святому Гробу, на искупление святые церкви и на созидание святаго храма и о поставлении на Руси посылаемого им в Россию протосинкелла Иосифа в митрополиты Кесарии Филипповой, что митрополит Феодосий и исполнил, поставив Иосифа с русскими епископами в митрополиты Кесарии. Затем митрополит обращается к новгородцам и псковичам, чтобы они «с богобоязньством и великою верою» [С. 4] и «любовию» подали «без сумнения» милостыню Иосифу, каждый по своей силе «на искупление Христова Гроба и на съзидание святые матери церквам, еже есть Сион; от него же изыде радость и свет Христос». При этом митрополит Феодосий замечает: «Послахом сию свою грамоту к вам прославляя и возвеличая имя Господне, иже в русских наших землях провозсиявшего благочестия»⁵. В дошедшей до нас настольной грамоте, данной митрополитом Феодосием от 4 апреля 1464 года поставленному им в митрополиты Кесарии Филипповой Иосифу, говорится, что прежде своего доставления Иосиф произнес православное исповедание веры, что он всячески отрекся Флорентийского Собора, отверг вконец все его богоненавистные и нечистые предания и что все учение Исидора и ученика его Григория «мерзостно ему вменися». «И того ради», говорит настольная грамота, «обретохом его православна и честна старца и разумна человека, могуща снабдети и устроити и украсити престол кесарийские церкви божественным учением, по преданию св. апостол, и исправляти все священное Божие церковное испльнение»⁶.

В 1480 году встречается еще один документ из сношений Иерусалимских патриархов с Россией до половины XVI века – это послание Иерусалимского патриарха Иоакима московскому митрополиту Геронтию. В этом послании патриарх говорит, что некто Григорий Русин, купец, был в Иерусалиме, откуда направился в Египет и здесь нашел его, патриарха, приехавшего по своим делам к египетскому султану. Явившись к патриарху, Григорий «просил и молился [С. 5] нам, дабы есмя дали свое благословение и писание к твоему святительству, в порадование и приятельство. И от того есмя слышали о тебе величайшу похвалу и мужьство благодати, яко твориши и у пиши свою паству, христоименитое людство много: ибо хвалу той Григорей явил и премудрости, и слова, и добродетели и разума. И того ради святительству твоему посылаем благодать и благословение и с твоею паствою православною, се христоименитым людством, благодать и милость со всеми вами, аминь»⁷.

Вот и все то немногое, что дошло до нас о сношениях иерусалимских патриархов с Россией до половины XVI века. Очевидно из этого только одно: если из Палестины до половины XVI века иногда и попадали на Русь некоторые лица, то такие явления были совершенно случайны и крайне редки, и что о них, вследствие неполноты и отрывочности дошедших известий, даже трудно составить нам какое-либо определенное представление; что каких-нибудь правильных или постоянных сношений между русским правительством и иерусалимскими патриархами тогда вовсе не существовало⁸.

⁵ Акт. ист. Т. I, № 78.

⁶ Историческая библиотека. Т. VI, № 135. С. 927–928.

⁷ Акт. ист. Т. I, № 89.

⁸ Под 1376 годом наша летопись, как мы видели, говорит, что пришел на Русь за сбором милостыни иерусалимский архимандрит Нифонт, который, собрав милостыню, возвратился назад «и ста тем на патриаршество Иерусалимское». Но просматривая списки патриархов Иерусалимских, мы вовсе не находим в них имени Нифонта. В 1464 году по просьбе умершего в Кафе Иерусалимского патриарха Иоакима на Москве ставят в митрополиты Кесарии Филипповой его брата, протосинкелла Иосифа. Но в это время в Иерусалиме патриарха по имени Иоаким не было, и, кроме того, совсем непонятным остается, зачем бы ему понадобилось послать своего брата для поставления в митрополиты в далекую и малознаемую Москву. В 1480

[С. 6] Указанное явление, с одной стороны, объясняется тем, что иерусалимские патриархи-арабы, зависевшие от египетских султанов, относившихся к ним подозрительно, не имели свободы сношения не только с отдаленной и маловедомой им Москвой, но даже и с ближайшими к ним единоверными греками империи, которые в это время, вследствие подозрительности египетских правителей, почти совсем не являлись на поклонение святым местам. С другой стороны, Россия до конца XV века, то терпевшая иго татар, то раздираемая внутренними усобицами князей, не могла представляться отдаленным иерусалимским патриархам-арабам такой страной, с которой бы они имели какие-либо особые побуждения стремиться установить близкие и правильные сношения. Если со стороны русского паломника того времени было подвигом побывать в Иерусалиме, то таким же чрезвычайным подвигом было тогда и добраться из Иерусалима до Москвы. Положение дел в этом отношении совершенно изменилось, когда турки овладели Палестиной и когда вслед за тем Иерусалимская патриаршая кафедра стала замещаться выходцами-греками. Теперь посетить большую часть православных стран для иерусалимских патриархов значило не выходить из пределов той же турецкой империи, прибыть в Молдовлахию значило прибыть почти уже к самым границам России, так что путешествия иерусалимских патриархов за сбором милостыни теперь не могли уже встречать прежних почти неодолимых препятствий. С другой стороны, и положение Московского государства к этому времени тоже решительно изменилось. В лице великого князя Иоанна III Русь окончательно низвергла татарское иго, и в то же время великий московский [С. 7] князь, а потом царь, сделался единодержавным правителем всей Северо-Восточной Руси, где таким образом сложилось сильное православное царство. Иоанн III женился на Софье Палеолог и сделался как бы преемником греческих византийских императоров, так что московские государи стали с этого времени смотреть на себя как на единственных теперь представителей и защитников всего Вселенского Православия и всегда готовы были проявить это свое новое призвание по крайней мере денежными нескудными дачами на поддержку Православия на Востоке, терпящего там от постоянных притеснений иноверных. И вот уже с конца XV и начала XVI столетия в Москву начали приезжать с православного Востока просители милостыни из разных афонских монастырей и родственной Сербии, из отдаленного Синая и других мест, и чем далее, тем более увеличивался приток всевозможных просителей, так как в Москве всех их принимали очень радушно, наделяли нескудною милостыней как лично самих просителей, так и представляемые ими монастыри или архиерейские кафедры. Вполне естественно было, что Иерусалимские патриархи, постоянно нуждавшиеся в деньгах, обратили свое внимание на торовавшую Москву и вслед за другими просителями милостыни стали обращаться к московским государям с просьбами о помощи Святому Гробу. Первый Иерусалимский патриарх из греков – Герман – первый и завязал прямые сношения Иерусалимских патриархов с московским правительством.

В первый раз патриарх Герман обратился к московскому правительству не с просьбою о милостыне, а с просьбою возвратить на Восток находящегося [С. 8] в Москве известного Максима Грека, причем грамота об этом была писана, собственно, не им, а Константинопольским патриархом, Герман же, случившийся тогда в Константинополе, только подписался под ней. Затем патриарх Герман обратился через своих нарочных, посланных уже со специальною просьбой к московскому государю о милостыне Святому Гробу. Но эта первая просительная грамота Германа не дошла до нас, равно как и ответ на нее государя. В 1550 году в июне месяце в Москву прибыли два старца – Даниил и Гавриил – и привезли государю грамоту Иерусалимского патриарха, писанную им в 1548 году. В ней Герман, после обычного титула и приветствий, посылает государю благословение от живодавного Святого Гроба, к которому для

году опять Иоаким, патриарх Иерусалимский, присылает свое благословение митрополиту Геронтию. Но если уже один патриарх Иоаким действительно в 1464 году умер в Кафе, то другого Иерусалимского патриарха в это время и с этим именем, несомненно, более не было.

поклонения ежегодно приходят христоименитые люди всякого звания и положения. А так как государь не мог сам посетить лично и видеть святые места, то он показал свою любовь к ним и усердие тем, что позаботился о сооружении сих святых мест, когда с посланным к нему иноком Арсением и другими, бывшими с ними, прислал ему, патриарху, шубу отца своего Василия. Герман далее заявляет, что имена государевых родителей ежедневно поминаются на литургиях, утрнях и вечернях и что только государскою помощью они спасаются от многих скорбей и тесноты, которые терпят от иноплеменных. Затем патриарх пишет: «И паки прииде на нас Божие посещение свыше и прежних, славнейший государь, еже бысть трясение земли страшно и велие зело, еже и не бысть таково и в страсть Христову, в вольное Его распятие: расседся даже Божии церкви и келии наша и ограда распадошась и самосущее воскресение Господа [С. 9] нашего Иуса Христа над гробом (т. е. кувуклий) расседся по местом, и колокольница распадеся и иные ирония церкви в Гефсимании и в Вифлиеме стоят пусты. И аще не будет ваше презрение и поможение, и нам убо нет силы от вседневнаго нахождения нечестивых иноплеменник и насилия, от тяжести их и беспрестаннаго питания их»⁹. В заключение патриарх просит государя быть ктитором, соорудителем и помощником Святого Гроба, и поминание о нем будет вечно, как и о приснопамятных царях Константине и Елене, «ибо нет нам другого помощника, кроме Бога и твоего царствия; прислали мы и малое поминовение твоей светлости: елей от кандила Гроба Господняго и от святаго места Голгофы и иные вещи, какие тебе подадут наши посланцы. Сотвори нам милость, дабы милость Божия сохранила твою державу». Государь на этот раз послал милостыню небогатую: 30 руб. патриарху, Гробу Господню на свечи и ладан 50 руб., старцам велел дать на платье по 2 руб. и милостыни по 10 руб., причем послал патриарху и свою ответную грамоту, в которой извещает о посылке к нему милостыни и просит молиться о нем – царе, жене его, детях и брате и всем православном христианстве и записать в синодик имена его родителей, о чем уже ранее он просил патриарха в своей грамоте, посланной к нему с иноком Арсением (которая до нас не дошла)¹⁰.

[С. 10] В сентябре 1559 г. государь Иоанн Васильевич послал на Восток софийского архидиакона Геннадия и купца Василия Позднякова с тем, чтобы архидиакон побывал у всех восточных патриархов и во всех святых местах и описал все, что он увидит там. С ними посланы были царские грамоты ко всем патриархам и милостыня. Патриарху Герману Иоанн писал, что, услышав от старцев Синайской горы о скорби, какую они терпят от насилия турецкого, посылает к нему с архидиаконом Геннадием рухляди на четыреста золотых, с бархатною шубою на соболях, да живоносному Гробу посылает рухляди на четыреста золотых и на двести золотых в церковь на Голгофе (т. е. всего на 1000 золотых, кроме бархатной шубы для патриарха) и просит его возжечь неугасаемое кандило ради его державы над Гробом Господним и Голгофою, а также и молиться о его здравии и о упокоении его родителей. На эту присылку богатой милостыни патриарх Герман так отвечал государю грамотою, писанною в июле 1560 года: «Господу небеса приклонишася и снизшел Господь в Иерусалим. Все, что внутри его, есть стяжание нашему спасению, ибо страшное в нем совершилось таинство: воскресение и Божественное вознесение, пришедшего к нам на вольную, пречистую и ужасную страсть. Тут живоносный Гроб его и Голгофа с прочими Святыми Местами, тут же и пречистая стопа его ноги, где он ступил, и камень, на который благоутробно положен был Снятый со Креста. Всякий день созерцаем мы все сии святые, славные и неизреченныя места и, ради их, приходят отовсюду на поклонение христолюбивые люди, по морю и по земле, от конец ея до конец вселенной. И от ваших стран многие [С. 11] к нам приходят, с веселыми лицами и со всяким

⁹ Досифей об этом землетрясении говорит: «При Германе во время землетрясения упал купол башни медного колокола, т. е. колокольня Святого Гроба, на близ находящийся храм Воскресения и разрушил купол сего храма, что и до сих пор остается в том же виде. От сего ж землетрясения упала колокольня Святого Вифлеема, как и теперь видим» (История иерусалимских патриархов. Кн. XI, гл. VII, § 3).

¹⁰ Греческие статейные списки № 1, лл. 43–50.

достоянием, похвально преплывая бесчисленную пучину вод. Твоя христолюбивая милостыня также преплыла моря, ибо и ты истинный подражатель милостиваго великаго Царя, Христа Бога нашего. По сему воссылаем велегласно славу Господу о царствии твоём, дабы укрепил и утвердил тебя силою своею в исполнении Божественных Его заповедей, на похвалу и пользу и помощь нашему роду, единокровным тебе христианам». Сказав затем, что получил царскую милостыню, из которой, однако, до него не дошло 400 руб., с которыми неведомо что учинил синайский поп Иосиф, просит царя впредь, если он вздумает послать милостыню, посылать ее только с патриаршими чернецами. Далее патриарх заявляет, что он не может достаточно передать писанием, какие напасти и беды, пленения и темницы претерпевают обретающиеся там христиане от сыродцев, обладающих ими. В заключение патриарх просит обновить святые сосуды и прислать ему митру, «ибо многие здесь у Святаго Гроба носят митры: армяне и хабези (т. е. абиссинцы) и прочие, только мы одни ее не имеем!»¹¹.

Приведенной грамотой и заканчиваются все сношения Германа с московским правительством. Очевидно, они носили еще случайный характер и Герман не думал об установлении более правильных и постоянных сношений с нашим правительством. Об этом позаботился преемник Германа – Софроний.

Государь Федор Иоаннович, вступив на престол, через своего посла Бориса Благого уведомил об этом всех восточных патриархов. Занявший место [С. 12] Германа Софроний поспешил воспользоваться этим случаем, чтобы завязать сношения с новым московским государем. Он прислал царю грамоту, в которой писал: «Да подаст (Господь) благородствию ти благий разум и доброрассужение, да устрояеши Богом врученное ти царство, яко есть годно царем благочестивым, в сем еси должен ответ дати на втором пришествии Христове. Потому сотвори добродетельная своя дела, елика належит православней и непорочней вере христианстей, и соблюдай опасно и держи прямо вся, елика суть писано во святем Евангелии святыми апостолами, елика суть предана святей Божии Церкви святыми архиереи и богоносными отцы, иже по благодати Святаго Духа, семи соборными заповедьми и уставы просветиша и утвердиша сия заповеди Господня евангельская и соборная. И елика писах к твоему благоверию, да будеши всегда имети крепко и богобоязненно, и благодать Святаго Духа да будет на тебе всегда, и сохранит тя и соблюдет от всех враг твоих видимых и невидимых во вся лета, и умножит Господь Бог царствие твое во всяцем блазе. Ты же буди благотворя так, яко блаженный отец твой царь Иван; и буди праведен и милосерд к посланным ти, и не буди злосерд и завистлив на чужая доброты и соблюдайся от всякого греха, да будешь честен и славен от всех людей, почтен будешь во втором пришествии Христове, егда раздаетца комуждо по делом его. Тако же есть лепо, боговенчаный царь, помнити всегда нищих и убогих и нужных и сотворити милостину, имети любовь к святым церквам и ко святым монастырем и к святому и животворному Гробу Господа нашего Иисуса Христа, ид еже горят два паникандила ради многолетняго и богодарнаго, [С. 13] честнаго и славнаго, Богом соблюдаемаго имени царствия твоего, и молим за твое царствие во дни и в нощи на священных литургиях и во всяких божественных службах...»

Царице Ирине Софроний прислал разрешительную грамоту, в которой писал: «Смирения нашего молитва и благословение, по благодати Господа нашего Данией нам древле Святым Духом и по заповеди Спасителя нашего Иисуса Христа, еже рече своим учеником и апостолом глаголя: примите Дух Свят, им же отпустите грехи, отпустятца им, и им же держите, держатся им, и елика аще свяжете на земли, связано будет и на небесех». Затем патриарх пишет: «Буди прощена о Святом Дусе дщерь наша царица Ирина, елика аще в чем согрешила пред Богом яко человек: словом, или делом, или помышлением и всеми чувства душевные и телесне... и от тех всех согрешений прощаем и разрешаем от всякаго вязания изволением и благодатью

¹¹ Греческие статейные списки № 1, лл. 159–165.

всекрепкого и прещедраго Бога и съпоклоняемаго во Троице Святаго Духа, да простит и все-милостивый Господь Бог во всем, елика пред ним ни согрешила».

Царь, выслушав патриаршие грамоты, привезенные патриаршим архимандритом Иоасафом, «приговорил к Иерусалимскому патриарху и в монастыри его области послати милостыни девятьсот рублей», а к патриарху Софронию с его архимандритом Иоасафом послано две царские грамоты. В первой из них государь извещает патриарха о посылке ему 900 руб., которые он и поручает ему раздать по росписи на все церкви и монастыри его патриархии с тем, чтобы во вседневных службах поминали бы государевых отца, мать и брата и молились бы о его царском [С. 14] здравии и победе на врагов. В другой грамоте царь писал патриарху о трех неугасаемых кандилах, именно: что он послал с архимандритом Иоасафом 82 руб. и четыре алтына с деньгою с тем, чтобы патриарх устроил два кандила у Гроба Господня и одно на Голгофе и чтобы эти кандилы горели там день и ночь, пока тех денег станет на масло, за его царское здравие и чадородие его царицы, в наследие царства. Кроме того, по просьбе архимандрита Иоасафа патриарху Софронию и его преемникам послана была царская жалованная грамота о свободном проезде старцев, которых будет посылать в Москву Софроний и его преемники. В ней обычно прописывалось, чтобы приехавших на рубеж патриарших посланных воеводы свободно пропускали, давали им корм, подводы до Москвы, провожатых и т. п.¹²

В 1592 году, после присылки от Константинопольского патриарха и Собора утвердительной грамоты на учреждение в России патриаршества, государем послана была на Восток с послами Григорием Нащокиным и подьячим Андреем Ивановым богатая милостыня, причем в Иерусалиме и его окрестностях по различным монастырям и церквам велено было раздать, сообразно составленной росписи, 2544 золотых. Самому патриарху Софронию послано было 500 золотых, митра, золотая чаша для святой воды, убрусец, низан жемчугом дробным, и четыре сорока соболей. В то же время послал богатую милостыню в Иерусалим к патриарху и Борис Годунов вместе со своею грамотой, в которой писал, что послал от себя с келарем, старцем Дамаскиным, живоносному Гробу Христову и его Воскресению потир [С. 15] хрустальный, обложен золотом, с яхонтами, и лалами, и изумрудами, да три блюда золотые и кандило ко Гробу Господню золотое, с яхонтами и изумрудами, да кадило золотое, да на масло четыре сорока соболей. В Гефсиманию – сосуды церковные: потир, дискос и кадило серебряные, да пятьсот золотых, чтобы купить виноград или село и впредь бы устроить в Гефсимании у Пречистой Богородицы вседневную службу и свечу неугасимую. Если же село или виноград будут стоить больше пятисот золотых, то патриарх пусть ему напишет об этом и он пришлет недостающее. В заключение Борис пишет: «Послал я к тебе сорок соболей от себя, и жена моя Мария тебе, великому господину, челом бьет ширинку, сын мой Федор кубок золоченый, дочь моя Оксинья икону Спасов образ, да ширинку: и ты бы то от нас принял в любовь, чтобы ради святых молитв сотворил над нами Господь до милости своей, как весть Его святая воля»¹³.

Эти подарки Бориса были, конечно, очень приятны для патриарха Софрония, почему он и поспешил, когда Борис сделался царем, приветствовать его своею грамотой, писанной от 6 сентября 1602 года, которую в июне 1603 года привез в Москву архимандрит монастыря Саввы Освященного Григорий. В ней Софроний пишет Борису: «Ведомо вам буди, самодержавный царь, что здесь, в святых местех, многие скорби и нужи и глад неизреченный, каков не бывал во днеш наших, и арапского роду умножилось и нас нуждят повсядневно, что мало есмя не погибли от здешняго святаго и преславнаго места». Затем патриарх ходатайствует перед царем за [С. 16] лавру Саввы Освященного, которая, вследствие голода, не могла прокормить соседних арабов, терпя от которых иноки заложили вход в лавру, а сами все удалились в Иерусалим в тамошний свой Архангельский монастырь, пока не минет нужда и опасность от арабов. Он

¹² Греческие статейные списки № 2, лл. 108–110, 112 об., 113, 115–120.

¹³ Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1. М., 1858. С. 262–277.

просит царя быть новым соорудителем погибающей от нужды славной обители¹⁴. Посылая эту первую грамоту царю с саввинским архимандритом, Софроний решил в то же время снарядить в Москву специальное торжественное посольство, во главе которого стал архимандрит Феофан, будущий патриарх, преемник Софрония.

9 августа 1603 года черниговские воеводы доносили государю, что в Чернигов приехали из Иерусалима греческие старцы: архимандрит Феофан, а с ним келарь Иоаким, да два дьякона – Феодосий и Никодим, а едут от Иерусалимского патриарха в Москву за милостыней. Они везут с собою от Святого Гроба белый мраморный камень, который высек из животворящего Гроба еще прежний патриарх Герман и написал на нем царские имена: Иоанна Васильевича, Феодора Иоанновича и Бориса Годунова, а теперешний патриарх Софроний надписал на камне свое имя. По повелению государя просители отправлены были в Москву, куда прибыли 3 декабря, и поставлены были на подворье рязанского владыки.

В грамоте патриарха, которую привез государю архимандрит Феофан, Софроний после благословения и благих пожеланий царю, его семье и всему его царству пишет: «Ведомо буди державе царствия твоего, что тут послахом к святому царствию своих иноков, рабов и сослужбников святого и живодарованного Гроба и [С. 7] чада о Христе возлюбленного, смиреннейшаго преподобного священноинока и духовнаго отца господина Феофана, великаго архимандрита патриаршества нашего (со спутниками), да приимеши их любезно против нашего лица и сотвори им для имени Святого Гроба по обычаю дающею милостину от христолюбиваго царствия такоже, как давали прежняя блаженныя православныя цари; имена их воспоминаются всегда от нас. Ведаешь, благочестия любительный царь, что вседневный наш неизсчитанный расход и поношения от агарян и напраслины, страждем и терпим от них здесь во святых местах для ради Христа, а развее Бога инаго помощника не имеем, и заступника и покровителя развее святого тебя, царя, государя нашего, во днеш сих, и на тя держим упование и надежду; и к тебе прибегаем. Да еще в нынешних последних вецех востали великие войны везде, и для того во днеш сих ни откуда не бывало ни мало милостынам, и одолжал святой Гроб болши десяти тысящ золотых. И в таком убожестве пребываем, – столь нужно, что и пищею скудны есмя, – Бог вестъ. А все то терпим для имени Христова, такожде терпим, яки прежние мученики – те день, два или три, а мы во вся дни мучимся для святых мест. Ведомо буди, христолюбивый царь, что в прошлых летех послал есми тут своих мнихов, в летех при блаженном царе-государе князе Феодоре Ивановиче всеа Руси, да примут святую вашу милостину во имя Святого Гроба, что дается по обычаю; а ныне не ведаю, что делу помеха, что толикое время тут живут, и не ведаем, живы или мертвы, и пребываем во многих скорбех и тесноте от тягостей великаго долгу, что впал Святой Гроб. И послал есми в другой – Кесарии [С. 18] Филиповы митрополита – ныне четыре года, да и тот не объявился... Нужно добре пребываем и да не изнудится Святой Гроб и не обладался б до основания от агарян во днеш наших, да возрадуется враг веры нашея и будем в поношение и в посмешество его, для того страждем и терпим близъ смерти до века. Посем извещаем святому твоему царствию: заступи нас, способствуй и помоги, как тебя просветит благодать Святого Духа, и буди царствие твое новое соорудитель живодарованному Гробу, как приснопамятный и великий царь Константин, отметаемый сребра тленнаго и погибшаго вечнаго ради жития, и восприимеши семьдесят седмерицею в вышнем Иерусалиме во веки и наследуешь Царствие Небесное. А пять елей неугасимых горят во дни и в нощи в честь и во имя богохранимаго твоего царствия и в память вечную блаженных и приснопамятных царей Ивана Васильевича и Феодора Иоанновича». В заключение Софроний просит государя пожаловать, прислать купить виноградник Святому Гробу с масличными древами для вина церковного и масла и посылает государю от себя благодать, великую милость, благословение и прощение.

¹⁴ Греческие дела 7111 г. № 2.

25 декабря, на Рождество Христово, государь повелел Феофану быть у него, государя, на дворе. Царь Борис принял его в золотой подписной палате вместе со своим сыном Феодором, причем Феофан поднес государю от патриарха Софрония святыни: образ, обложенный серебром, мощи св. апостола Варнавы – часть от ноги правой, мощи св. Меркурия – часть от ноги левой, мощи св. Пантелеймона – часть от ноги левой, мощи св. великомученицы Феклы – часть от руки, мощи св. мученика Прокопия – ручка правая, мощи св. священномученика Анфима – часть [С. 19] от ноги, камень мрамор Гроба Господня, меру свечи Святого Духа, смирно, святую воду из реки Иордана, древо жезла Моисеева. Архимандриту Феофану на представлении дано было царское жалованье: 6 образов, 60 руб. деньгами, сорок соболей в 25 руб. и другой сорок в 20 руб., два сорока куниц, мех песцовый черевей, лисья шуба в 10 руб. и 1000 белок.¹⁵

7 февраля 1604 г. по указу государя вместе с другими бывшими тогда в Москве просителями милостыни Феофан со старцами представлялся патриарху Иову, который велел им сесть и расспрашивал, как они шли в Москву и как они пребывают под властью неверных агарян. Феофан отвечал, что многую нужду, беды и тесноту терпят и если бы не милосердие царя Бориса Феодоровича всея Руси, то бы они до конца погибли. Потом патриарх одарял просителей образами, деньгами, соболями, причем «приказал патриарх с архимандритом Иерусалимским [С. 20] к патриарху Иерусалимскому Софронию челобитье», а самому Феофану дал образ, 4 руб. денег, ширинку и затем отпустил просителей к себе на подворье, послав им туда от себя почетный корм вместо приглашения к столу у себя.

4 марта Феофан вместе с Саввинским (т. е. монастыря Саввы Освященного) келарем Дамаскиным (который прибыл в Москву еще в 1590 году и с тех пор жил в Москве) был у государя «на отъезде». «И как архимандрит и келарь пришли ко государю и государь их пожаловал, спросил о здоровье: во спасении ли пребывают? И архимандрит Феофан и келарь Дамаскин били челом на государеве жалованье, на милостыне и на кормех, а говорили: Божиею милостью и вашими великаго государя, царя и великаго князя, Бориса Феодоровича всея Русин самодержца жалованьем пребываем здорово, и вашим царским жалованьем всем покойны». Тогда государь обратился к архимандриту Феофану с такой речью: «Архимандрит Феофан! Приезжал еси к нам, к великому государю, царю и великому князю Борису Феодоровичу всея Руси самодержцу, и к сыну нашему, царевичу князю Феодору, от Иерусалимскаго патриарха Софрония с грамотою бить челом о милостыне, а в грамоте своей к нам Софроней-патриарх писал о своих скорбях и утеснении от иноверных, и что одолжал великим долгом, а ни откуда помощи не имеет, разве Бога да нас, великаго государя. И мы ныне вас отпускаем к патриарху Софронею, а с вами посылаем к живоносному гробу Господа нашего Исуса Христа и святого Его Воскресения Евангелие греческое письмо на престол в церковь Воскресения Господа нашего Исуса Христа, да к патриарху Софронею [С. 21] посылаем сосуды церковные, да репиды, да два пояса к стихарен, да наши царские задравные милостыни – шубу соболью под бархатом, да жена моя царица и великая княгиня Марья к патриарху ж сулок сажен, да ширинку, да 300 золотых угорских. А преж сего послал есми к патриарху с кесарийским митрополитом Германом, да с архимандритом Дамаскиным наша задравные милостыни 60 сороков собо-

¹⁵ Государь вместо стола у себя послал архимандриту и старцам его на подворье: «хлебец, калач крупичатый, осетрина длинная, плотница целная, стерлядь целная, пироги кислые, шука отварная, четь коровая целного, сельди паровые, икра осенняя, икра паюсная, пироги подоные, пироги фряжные с везигою, пироги фряжные с горохом, караси, шука, полголовы осетрины свежия, шука колодка, теша белужья, звено осетрины на троицкое дело, тело белужье, сиг, лодуга, звено наростовое. Питья: кружка романей, кружка бастру, кружка ренскова, четверть меду вишневаго, четверть малиноваго, полведра отборнаго, 2 ведра паточнаго, 4 ведра цеженаго». На сборное воскресенье государь послал Феофану с его старцами великопостных кушаньев: «хлебец крупичатой, хлебец черной, 2 полосы дынные, вишни в патоке, шепталы 15 ягод, наливу 15 яблок, скруту 15 яблок, кузминские 15 яблок, патыка сжена с перцем, патыка с имбирем, патыка с гвоздикою, патыка простая, капуста сладкая, репа сладкая, маслины с перцем, маслины с шафраном, маслины с имбирем, каша сладкая, развар со пшеном да с изюмом, ягоды винные, молоко миндальное, ядра миндальные, пастила малиновая, пастила смородиновая, пастила черемховая, пастила землянишная, пастила черничная, пастила брусничная, репа в патоке, шишки ядер ореховых, кисель с шафраном, кисель с перцем, три кваса медвенных по полуведру».

лей, 12 000 белок, 1000 золотых угорских. И Софроней бы патриарх, то приняв, молил Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа у живоноснаго Гроба, чтоб Господь Бог по неизреченному своему милосердию и человеколюбию и для его молитв даровал нам душевное спасение и телесное здравие, и послал бы нам милость свою: помощь и одоление на вся враги видимые и невидимые». А изговоря, государь речь архимандриту молвил: «Архимандрит Феофан! Как будешь у Софроней-патриарха и ты от нас патриарху поклонись», и поклонился государь об руки и приказал архимандриту, чтоб он потому ж патриарху поклонился до долу. Да государь же архимандриту молвил: «Посылает сын мой, царевич князь Феодор, к Софроней-патриарху милостыни 2000 золотых угорских, и Софроней бы патриарх о нас и о нашем царевиче, князе Феодоре, многолетном здравье молил Господа Бога и Пречистую Богородицу и всех святых благоугодивших, чтоб Господь для ради молитв его отпустил нам грехи и даровал душевное спасение и телесное здравие, а мы, великий государь, и сын наш, царевич князь Феодор, учнем впредь к Софроней-патриарху наше жалованье держати наипаче прежняго». После этих слов государь отпустил архимандрита Феофана и келаря Дамаскина на подворье, дав им, [С. 22] сверх обычной дачи на отпуске, архимандриту сорок соболей в 20 руб. и сорок куниц, а келарю сорок соболей в 16 рублей.

С архимандритом Феофаном государь Борис Феодорович послал к патриарху Софронию свою царскую грамоту, в которой писал, что слышав об их скорбях и утеснении от иноверных, как агнцев посреди волков, немало о том пожалел, что святейший патриарх и все православные христиане в тех странах пребывают в таком великом гонении и утеснении от агарян. «Тебе же, отцу нашему, – писал царь, – пастырю и учителю православных велений, во всех сих приключившихся скорбях, подобает быть как непобедимому стратотерпцу, крепким и мужественным, и всех православных христиан утверждать и утешать, и надежды не отпадать, а молить всещедрого и премилостиваго человеколюбца Бога, Господа нашего Иисуса Христа, Пречистую Его Матерь, христианскаго рода защитницу, и всех святых, чтобы скорбь вашу на радость преложили и от насилия безбожных освободили». В заключение грамоты, перечислив милостыню, посланную ранее с кесарийским митрополитом Германом и архимандритом Дамаскиным, государь просит патриарха Софрония молить Бога и Спаса нашего Иисуса Христа у живоноснаго Его Гроба о спасении и здравии царя и его семьи, о победе на врагов видимых и невидимых и о мирном устроении его царства¹⁶.

Ласковый и почетный прием, оказанный архимандриту Феофану в Москве царем и патриархом, богатые подарки, какие он получил здесь для себя лично, то высокое уважение, какое царь публично выражал к [С. 23] Иерусалимскому патриарху, то глубокое искреннее благочестие и благоговение, с какими царь Борис относился к святым местам, то желание облегчить участь страждущих в Палестине православных от агарянских притеснений необходимо должны были произвести на Феофана сильное впечатление, внушить ему представление о русских как о народе очень благочестивом, всецело преданном Православию, горячо сочувствующем своим страждущим под игом неверных собратьям, всегда готовым помочь им и с которыми поэтому иерусалимскому патриаршему престолу следует находиться в возможно постоянных и близких отношениях¹⁷.

¹⁶ Греческие дела 7111 г. № 3.

¹⁷ Мы назвали подарки, данные царем архимандриту Феофану, богатыми, хотя на первый взгляд они нам и не покажутся такими. На представлении государю при приезде Феофан получил подарков, по сделанной тогда оценке, на 115 руб., да 6 образов, два сорока куниц и 1000 белок, которые мы оцениваем в 35 тогдашних рублей. «На отъезде» Феофан получил столько же. Значит, всего от государя он получил на 300 руб. – сумма, по-видимому, небольшая. Но если мы примем во внимание, что рубль второй половины XVI века равнялся приблизительно нынешним 70 рублям (см.: *Ключевский В. О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. С. 34, 35 и 47), то окажется, что государь лично Феофану пожаловал подарков, по современной оценке, на 21 000 рублей. А так как Феофан получал еще подарки от патриарха, а затем, по обычаю, его дарили еще и некоторые архиереи, монастыри и московская знать, то окажется, что Феофан лично для себя получил в Москве подарков на наши деньги более чем на 25 000 рублей. К этому нужно прибавить и то обстоятельство, что просители

В 1605 году прибыл в Москву синайский архимандрит Иоасаф, с которым патриарх Софроний писал государю, рекомендуя посланных синаитов, чтобы им дана была царская милостыня, так как [С. 24] Синайская обитель на всякий день имеет нужду и терпит пленение от арабов, находится в великом убожестве от дани агарянской, ее церковные сосуды и ризы заложены за четыре тысячи золотых, и иноки не имеют теперь ни откуда помощи, и потому пусть царь будет вторым создателем обители, в которой ежедневно поминается его имя¹⁸.

Когда в Польше появился Лже-дмитрий, то Софроний, конечно, не подозревавший в нем самозванца, поспешил особой грамотой приветствовать его и выразить пожелание ему благополучно и успешно утвердиться на престоле своего отца, причем просил его не забывать свою милостыней Святого Гроба. «Мы, – пишет самозванцу Софроний, – с сильным огорчением узнали о кончине покойного царя Феодора, блаженной памяти вашего брата, и проливали горькие слезы при получении сего печального известия; но мы забыли все наши бедствия, когда уведомились об открытии, сделанном в особе вашего царского величества. Сие известие исполнило радостию и веселием весь Палестинский край. Вельможи и простолюдины, мужчины и женщины, все поспешили воссылать благодарственные мольбы к Всевышнему, которому угодно было, чтобы ваше величество опять было найдено, подобно сокрытому и драгоценному кладу. Мы и все архиепископы, равно как и все духовенство, находящееся с нами, и наша паства, воссылаем к небу мольбы, дабы ваше величество в скором времени наследовало престол своего родителя, блаженный памяти царя Ивана Васильевича, и дабы дом ваших предков царствовал на престоле царей во веки веков. Бог мира, сердцевец, сокрушающий и восстанавливающий, любящий [С. 25] правоту и справедливость, по Божественной своей силе, может даровать вашему царскому величеству престол ваших предков без войны и без всякаго кровопролития. Но когда милостию Господа нашего Иисуса Христа воспримите престол, тогда вспомните о Святом Гробе Господнем и о Святой Земле и о других местах, освященных присутствием Спасителя. Подражайте благотворительности и великодушию, оказанным Святому Гробу Господню августейшим вашим родителем, царем Иваном Васильевичем, и вашим братом, царем Феодором, который освободил патриарший престол Антиохийский, а потом и Цареградский от долгов, коими они были обременены; окажите ту же милость монастырю Святого Гроба Господня, дабы удовлетворить наших заимодавцев, ибо утеснения турок принудили монастырь Святого Гроба вступить в долг. Сей долг простирается до пяти тысяч червонцев, и мы платим по сорока процентов... Посланным поручили отправиться в Россию к вашему царскому величеству в случае, если исполнятся теплые наши молитвы, и вы вступите на прародительский ваш престол. Если отцы поедут в Россию, то просим вас принять их милостиво, как бы меня самого, и прислать Святому Гробу Господню такое подавание, какое заблагорассудите, дабы мы могли заплатить наш долг, коим монастырь обременен»¹⁹.

Таким образом, уже патриарх Софроний хорошо понял и оценил важное значение России как тороватой благотворительницы святым местам, почему он всячески старался войти в более близкие сношения с московскими царями Феодором и Борисом и, что особенно любопытно, поспешил еще в Польше приветствовать [С. 26] самозванца как истинного царевича, конечно, в надежде приобрести его особое расположение, когда ему удастся воссесть на московский царский престол. Однако особенно близкие и частые сношения иерусалимских патриархов с московским правительством начались только с патриаршества Феофана.

милостыни, отправляясь в Москву, везли обыкновенно с собою товары, которые они беспощлинно и от самой границы на казенных подводах привозили в Москву, где их выгодно продавали и затем, закупив на месте московских товаров, отвозили их, опять же на казенных подводах, за границу. От этой операции просители выручали немалые суммы. Все содержание их, со дня вступления в московские пределы, давалось им от царя.

¹⁸ Греческие дела 7112 г. № 2.

¹⁹ Муравьев А.Н. Сношения России с Востоком... Ч. 1. С. 325–328

Глава 2

Сношения патриарха Феофана с русским правительством

[С. 27] В так называемое Смутное у нас время сношения с иерусалимскими патриархами, как и вообще с Востоком, прекратились и возобновились только уже в 1619 году благодаря приезду в Москву самого Иерусалимского патриарха Феофана, преемника Софрония. К сожалению, «дело» о приезде Феофана в Москву не дошло до нас, и нам приходится о его пребывании в Москве говорить только на основании тех отрывочных известий, какие случайно сохранились об этом у современников и ближайших к ним лиц.

Любопытно, как некоторые русские посмотрели на приезд Феофана в Москву. Иерусалимский патриарх Феофан, уверяли они, приехал в Москву не за милостыней, его приезд далеко не был случайным и безотносительным к тогдашней еще совсем не оправившейся от Смуты русской жизни. В одном хронографе по поводу постановления в патриархи Филарета Никитича говорится: «В то время промыслом всем дающего живот излиися боготочная благодать Святаго Духа в сердца благочестивых четверочисленных Вселенских патриарх: Цареградскому, и Александрейскому, и Антиохийскому, и Иерусалимскому, что великая Соборная и Апостольская Церковь Божия, Матере честнаго и славнаго ее Успения русские митрополии, вдовствует не [С. 28] малое время, не имея пастыря, еже есть патриарха. Подвигшижеся от Святаго Духа четверочисленный лик Вселенских патриарх и совещашажеся между себе послами, чтобы им от своего четверочисленнаго и благочестиваго лика послати единаго в царствующий град Москву ко благочестивому царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Ру сии, чтобы, по их благословию и прошению, не умедлил избрати мужа честна и преподобна и во всех добрых делех совершенна, и возвел бы на патриаршеский великий престол, чтобы Божия Церкви Руские митрополии не вдовствовала, и имела бы окормляющаго ю во своем ея божественных догмат благочестии. Избраша же он, четверочисленный и богоносный полк, своего сверстника, мужа честна преподобна», Иерусалимского патриарха Феофана²⁰. В житии преподобного Дионисия, архимандрита Троицкой лавры, принадлежащем известному Симону Азарьину, говорится: «Бысть смотрение Божие о умирении руския земли сицевым образом: слышно бо бысть Восточным Церквам како стражет бедне великая Россия от змиеваго гонения, от папы Римскаго изблеванною скверною водою. Растригою и Жигимунтом нарекаемыми царевичами, ядовитыми сими гады, уже 14 лет страждет. Святии отцы, четыре патриархи Вселенстии не вознерадеша о останках, в погибели бывающих исчадиях российских семей, и, посоветававшие между собою и со всеми Восточными Церквами, еже бы помощи во время лютые отчаянные напасти, двигнувшися от престол своих и дошедше Гроба Господня, молиша Царя царем, и Господа господем Иисуса Христа, Бога Вседержителя, да недасть одолети жезлу грешных [С. 29] своего жребия. Избраша убо воеводу крепка, и сильна исполина, могуща тещи путь от востока до запада, которой не имел ни оружиеносцов, ни броней мужеских, но токмо едино слово Божие во устех имуща, могущее розорити тверди не одолеваемые, святейшаго патриарха Феофана, прекраснаго душею и телом, и оградивше его многими молитвами, вместо жертв благовонных, наполниша его слез духовных, их же бы принести ему в пищу гладным всякаго хлеба, слова Божия лишенным в России велицей»²¹.

Таким образом, по представлению некоторых русских первой половины XVII века, приезд Феофана в Москву был делом Божественного Промысла, возбудившего четырех Вселенских патриархов позаботиться о поставлении верховного пастыря для осиротевшей Русской Церкви, был следствием особой заботливости старших Восточных Церквей о младшей дочери

²⁰ *Потов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. С. 205–206.

²¹ Изд. 1834 г. С. 103–104.

их – Церкви Русской, пережившей столь тяжелые и грозные для нее времена в смутную эпоху. Господство поляков-католиков в самом московском Кремле, осквернение ими народных заветных святынь вызывали в представителях Восточной Церкви не осуждение, а только горячее сочувствие, что, конечно, было особенно приятно для тогдашних русских, сильно смущенных событиями Смутного времени. В действительности же Феофан приехал в Москву по своей собственной инициативе, без всякого совещания и предварительного сношения с другими восточными патриархами, и целью его поездки было не поставление на Москве патриарха, а получение от русского царя милостыни, которую он действительно и получил, несмотря [С. 30] на разорение государства и бедность царской казны, очень нескудно²².

[С. 31] До нас дошла в высшей степени любопытная и характерная записка современника-очевидца о том, «как служил Феофан, патриарх Иерусалимский, с русскими митрополиты с казанским Матвеем и со архиепископы», выпукло рисуящая, как некоторые русские иерархи относились тогда к тем особенностям церковного чина и обряда, какие у нас были не согласны с тогдашними греческими чинами и обрядами. Записка именно повествует, что когда Феофан пришел в московский Успенский собор и, после обычной встречи, хотел встать в церкви на свое место, спасский дьякон Дионисий заметил ему: «Подиде государь во олтарь, там-де приложишься ко Евангелию, и крестом себя благословишь и властей служащих». Феофан исполнил это указание дьякона и уже потом стал на своем месте. Между тем его архимандрит и архидьякон вошли в алтарь, стали в простых рясах перед престолом и положили было на престол принесенные ими служебники, ризы и стихари. Тогда казанский митрополит Матвей «учал им говорить, чтоб они служебники, и ризы, и стихари с престола сняли, и впредь бы не клали, а стали б на обычном месте и служебники, и ризы, и стихари клали, где пригодится, а не на престоле». Когда греки [С. 32] не исполнили этого требования, митрополит велел было своему дьякону снять служебники, ризы и стихари с престола и положить их куда следует, но

²² В приказных записях о милостыне Феофану значится: «Во 127 году был в Москве Иерусалимский патриарх Феофан, и ему дано на приезде от государя: кубок серебряный золоченый с кровлею, весом 8 гривенов (гривенка пол фунта) 47 золотников, портище бархату черного гладкого добраго, портище бархата рытаго вишневаго добраго, два портища камок багровой да вишневой добрых же; сорок соболей в 70 рублей, сорок соболей в 30 рублей, денег 200 рублей и всего на 400 рублей. Да ему ж на поставление Филарета Никитича дано от государя после стола: кубок серебряный золоченый с покрывшкою в 7 гривенок – 35 рублей, стопа серебряная в 4 гривенки – 20 рублей, бархат гладкий черный —15 рублей, бархат гладкий зеленый – 15 рублей, камка черная – 10 рублей, камка багровая чешуйчатая – 10 рублей, объяри багровы – 10 рублей, сорок соболей в 80 рублей, денег 200 рублей, всего на 400 рублей. Да к патриарху послано, что было постигано в соборной церкви на царском и патриаршем месте: 2 половинки и 5 аршин сукна шарлату червчатого – цена 112 рублей, три половинки сукна аглицкаго темно-синяго – цена 57 рублей, три атласа турецких – цена 267 рублей с полтиною. После поставления и обеда у Филарета Никитича последним дано Феофану: образ обложен серебром чеканом, кубок серебряный золоченый с кровлею в 5 гривенок – 25 рублей, стопа серебряная в полтри гривенки – 13 рублей, бархат гладкий черный – 16 рублей, камка черная – 10 рублей, камка багровая чешуйчатая —10 рублей, сорок соболей в 80 рублей, денег 150 рублей, всего на 300 рублей опричь образа. На отпуске дано было Феофану от государя: кубок серебряный золоченый с кровлею в 5 гривенок – 25 рублей, портище бархату гладкого смирнаго – 10 рублей, 2 портища камки багровые да вишневые – 20 рублей, сорок соболей 70 рублей, а всего 275 рублей. От Филарета Никитича Феофану на отпуске дано было: образ обложен серебром чеканен, кубок серебряный золоченый с кровлею в 4 гривенки – 20 рублей, бархат черный гладкий – 10 рублей, камка черная куфтерь 10 рублей, сорок соболей в 50 рублей, денег 100 рублей, а всего 190 рублей. Да от государыни инокини Марфы, когда Феофан был у нее на приезде, ему было дано: образ Пречистыя Богородицы обложен серебром чеканен, в венце камня яхонты и бирюзы, бархат гладкий —15 рублей, камка багровая 10 рублей, два сорока соболей в 100 рублей, денег 100 рублей, а всего 225 рублей. Всего патриарху дано от государя, патриарха и государыни на приезде и на отпуске 1800 рублей, опричь образов и ставленнаго места, а и с тем что дано ставленное место 2236 рублей с полтиною». Принимая во внимание то обстоятельство, что рубль 1613–1636 годов равнялся нынешним никак не менее 14 рублям (см.: *Ключевский В.О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему. С. 72), окажется, что Феофан получил в Москве подарков от царя, Филарета Никитича и государыни инокини Марфы более чем на 30000 рублей нынешних. Но кроме царя, царицы-матери и Филарета Никитича, Феофану давали милостыню власти, бояре и монастыри. Когда, например, Феофан посетил Троицкую лавру, то особым царским указом предписывалось троицким властям поднести патриарху «образ Богородицы чеканен с пеленою из старых образов, образ Сергиево видение обложен серебром, кубок серебряный в 7 гривенок, братина серебряная в 10 рублей, атлас смирный, камка адаманка синее или багровая, объярь, если есть, сорок соболей в 40 рублей, денег 50 рублей, два полотенца троицких, 5 братин троицких с венцы хороших, ставики троицкие, ковш троицкий, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюд больших подписанных, братина великая с покрывшкою подписанная, кувшинец писаной немал» (Греческие дела 7133 г. № 5 и 7157 г. № 7). Кроме самого патриарха, и вся его свита точно так же ото всех получала подарки соответственно рангу каждого лица.

греки снова положили их на престол. Тогда казанский митрополит, рязанский архиепископ Иосиф и пришедший в собор местоблюститель патриаршего престола, Крутицкий митрополит Иона стали говорить уже самому Феофану: «Великий господин, святейший Феофан патриарх! наша истинная православная христианская Церковь не приняла сего чина: пришел твой архимандрит и архидьякон во олтарь и стали пред престолом в одних рясах без риз и стихарей, и положили на престол служебники, и ризы, и стихари, а у нас кроме того не ведется, что на престоле Евангелие и крест, а инаго ничего не кладут.

А пред престол приходишь ты, да сослужебницы твои митрополиты, архиепископы и епископы в своих манатях, а кроме того ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто не приходят, точию в фелонях и стихарях». На это Феофан ответил: «То-де учинилось спроста, а впредь-де того не будет». Вслед за тем наши иерархи кстати заметили патриарху, что у них (греков) и ризы, и стихарь устроены не совсем так, как бы следовало, на что патриарх ответил: «Бога ради-де указывайте нам по-своему, как-де у вас чин ведется, а я-де рад слушать». В самом совершении службы Феофаном русские подметили некоторые, по их мнению, отступления от истинного христианского чина, что опять вызвало с их стороны замечания патриарху. Например, они говорили ему: «Как-де ты, государь, служил прежде сего и ты-де просвиры заздравные вынимал в херувимскую песнь, а у нас того чину не ведется, и тебе б, государь, [С. 33] тако ж ныне вынимати заздравные просвиры в подобно время с нами, а не в херувимскую песнь». На это замечание патриарх ответил: «И я-де стану действовать по вашему чину, а впредь-де тово у меня не будет». К счастью Феофана, в это время в собор пришел уже давно живший в Москве и хорошо знавший все особенности русской церковной службы грек Арсений, архиепископ Суздальский, который и стал руководить служившим патриархом. Служба пошла было после этого гладко. Но когда Феофан начал возглашать: *твоя от твоих*, «и в те поры архидиакон ево руку правую положил на левую и коснулся ко святыни дискусу подвинул по престолу впредь правою рукою, а потир левою рукою подвинул». Это действие архидьякона вызвало новое замечание наших властей патриарху. Они говорили: «У нас-де того дьякон не действует, то-де ерейская служба», причем составитель записки замечает: «И они (греки) в том прощение получили, а ни в чем не пререковали, потому что у них, по греху, позакоснели от первого преданного (чина)». По окончании службы Феофан, обращаясь к сопровождавшим его до кельи русским архиереям, говорил: «Просветили-де вы меня своим благочестием и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго учения, и на том-де вам много челом бью»²³.

Простодушные, хотя и настойчивые замечания Феофану со стороны русских властей, вытекавшие из убеждения большинства тогдашних русских, что [С. 34] «греки, по греху, позакоснели от первого преданного им чина» и что в чистом неизменном виде он сохранился только у русских, а не у греков, необходимо произвели на Иерусалимского патриарха тяжелое и неприятное впечатление. Из этих замечаний он увидел не только то, что русский церковный чин и обряд в некоторых частностях, в существе, правда, очень мелочных и неважных, разошелся с тогдашним греческим, но что ради этого русские свысока смотрят на современных греков как уже на утеравших нечто из древнего преданного им чина. На этот раз Феофан не счел удобным вступать в какие-либо пререкания и препирательства с русскими властями, а ограничился одним только ироническим замечанием: «Просветили-де вы меня своим благочестием и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестивого учения, и на том-де вам много челом бью», которое русские приняли за чистую монету. Но совсем этого дела Феофан не оставил;

²³ Эта записка современника-очевидца находится в рукописном сборнике библиотеки Московской Духовной Академии № 202 и напечатана в Чтениях в Обществе истории и древностей российских. 1883 г. Кн. 2 и в нашей книге «Патриарх Никон». С. 32–34 в примечании.

он решил поднять в глазах русских церковный авторитет современных греков, воздействуя на поставленного им патриарха Филарета Никитича.

В житии преподобного Дионисия говорится, что Феофан отправился в Россию «наполняя всех мира и любви, о правой вере и о делах по Евангелию Божию созидая, утверждал обоим пределы, т. е. Великую Россию и Малую. К сему же, соединяя, укреплял единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого Православия, и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Ввиду того что документы о приезде в Москву и пребывании здесь Феофана до нас не дошли, мы не можем точно указать, [С. 35] по какому именно частному случаю Феофан счел необходимым убеждать русских «единомудрствовати, о еже держатися старых законов греческого Православия и древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися», и что именно в тогдашней русской церковной практике он находил не согласным со старыми законами греческого Православия и другими уставами четырех патриаршеств. У нас имеются под руками только два действия Феофана в этом направлении.

На пути в Москву Феофан, проезжая Южную Русью, нашел в тамошней Церкви такой обычай: «В причащении Пресвятых и Животворящих Таин трикратное податие с отделением имен Божиих: Отец, Сын и Святой Дух числением», каковой обычай на возвратном пути из Москвы он подверг в окружной своей грамоте осуждению как обычай, чуждый Православной Церкви и неблагочестивый²⁴.

Но будучи в Москве, Феофан нашел и здесь тот же самый неправый обычай трикратного подаяния Святых Даров в Таинстве Евхаристии, почему он и обратился к Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этот неправый обычай, заменив его единократным подаянием Святых Даров, как это делается согласно у всех четырех патриархов. Настояния Феофана имели успех. «Тамошний московский архиепископ, – говорит он в другой своей окружной грамоте к южноруссам, – за благочестивым царем тот трикратный обычай покинуть обещались»²⁵.

Другой случай: перед приездом Феофана в Москву произведено было, по повелению государя, исправление Потребника [С. 36] в Сергиевом Троицком монастыре его архимандритом Дионисием, старцем Арсением Глухим и клементьевским священником Иваном Наседкой. Исправители в молитве на освящение воды в Богоявление зачеркнули слово *и огнем* («освяти воду сию Духом Твоим Святым *и огнем*») как незаконную приставку, по невежеству внесенную в печатный Потребник. Книжные исправления указанных справщиков, и особенно упразднение прилога *и огнем*, возбудило против исправителей целую бурю. Справщиков обвиняли в злостной порче книг и даже в еретичестве, так что прп. Дионисий подвергся заключению в темнице и истязаниям. Прибыв в Москву, Феофан вступился в это дело, добился освобождения прп. Дионисия из заточения и после доставления в патриархи Филарета Никитича постарался оправдать в его глазах сделанные Дионисием книжные исправления и особенно уничтожение слова *и огнем*, как незаконного прилога. Он обещал Филарету Никитичу навести об этом точные справки в имеющихся на Востоке древних греческих рукописях, что потом (в 1625 г.) и исполнил, после чего Филарет Никитич приказал уничтожить прилог *и огнем* во всех Потребниках. Но освобождением и оправданием прп. Дионисия Феофан не ограничился, а постарался выразить к прп. Дионисию свое особое уважение и расположение некоторым особым и чрезвычайным актом.

Посетив Троицко-Сергиев монастырь, где он был встречен и принят по-царски, Феофан перед оставлением монастыря отслужил торжественный молебен и, подойдя к раке прп. Сергия, снял свой клобук, окропил его святою водою «и отре тем клобуком колена и голени, плесне и подошвы ног у чудотворца [С. 37] Сергия и, во гроб святого приникнув, под плесне святых ног его подложил, и со многими слезами долгое время моляшеся; а Дионисию повеле стояти

²⁴ Архив Юго-Западной России. Т. V. С. 7.

²⁵ Рукописный сборник библиотеки Московского Румянцевского музея № 712, лл. 204 об.-206.

откровенною главою без клобука. И взял свой клобук из-под плесней у ног чудотворца Сергия, и целова его, и повеле Дионисию целовати, и, приклонивши главу Дионисиеву, возложи на него руку, а архидиакону своему повеле возгласити – вонмем. И архимандрит Синайской горы трижды воспел: Господи, помилуй, по-гречески – Кирие элейсон; Феофан же, держа рукою своею клобук на Дионисиеве главе, глагола молитву на возложение клобука и, по молитве, благословил Дионисия в клобуке и, целовав его в уста, рече: се во имя Отца, и Сына и Святаго Духа, дах ти благословение, сыне мой! и на знаменах тя в велицей России по среде братии твоей, да будеши первый в старейшинстве над иноки многими по нашему благословию; такожде и по тебе, аще кто будет, да носит в месте сем святем наше благословение, величающесе и хвалящесе нашим смирением, и ответ да творит радостен сице: се знамение нам дано, яко патриархи восточнии поклонницы суть святому месту сему, и честь свою пред Святою Троицею оставили, с главы своя сняв по себе в память, и положиша под нозе великому стражу и блюстителю великому и богоносному Сергию чудотворцу. Потом повеле на обоих клиросах во святей церкви воспеть: спаси Христе Боже отца нашего архимандрита Дионисия, трижды. И обратився ко братии, всем глагола: запишите себе сие все, еже содеях о отце вашем архимандрите и впредь, егда кто от братии нашей, аще будет на поклонение zde, тогда буди нашего смирения изволение ведомо впредь по нас сущим родам, да и [С. 38] вы бы наше смирение и любовь не забывали, и в молитвах своих памятовали бы, и паки проелезися; братия же и вси людие поклоняшася ему до земли»²⁶.

При чтении этих известий невольно возникает вопрос, какие побуждения заставили иностранца Феофана вмешаться в чисто внутреннее и притом очень щекотливое дело книжных исправлений в Москве и почему он счел нужным решительно и торжественно выразить прп. Дионисию не просто свое покровительство и защиту, но и особое, чрезвычайное свое расположение. Конечно, Феофан мог руководствоваться во всем этом деле естественными желаниями защитить и оправдать человека, несправедливо обвиненного и невинно страдавшего, оправдать правое дело против несправедливых на него нападений, хотел почтить знаменитую и высоко чтимую всеми русскими обитель прп. Сергия; но, думается нам, тут, кроме того, были и другие побуждения, имевшие для Феофана особенно важное значение.

Мы уже видели, как во время службы Феофана в московском Успенском соборе с русскими иерархами последние делали Феофану внушительные замечания, что и он сам и служившие с ним греки то-то и то-то совершают не так, как следует, и что им, грекам, истинному церковному чину следует поучиться у русских, которые сохранили его у себя во всей чистоте и неизменности. Феофан увидел, что некоторые русские смотрят на современных греков свысока как на потерявших древний церковный чин и обряд и решил поднять в глазах русских авторитет современных греков, показать, что именно у русских, а не у греков не все обстоит благополучно [С. 39] относительно церковных чинов и обрядов. Мы видели, что он обратил внимание царя и Филарета Никитича на существовавший у нас обычай трикратного подаяния Святых Даров в Евхаристии и успел убедить их в неправоте этого обычая и в необходимости заменить его единократным подаянием Святых Даров, как это делается во всех четырех патриаршествах, т. е. у тогдашних греков. Царь и патриарх обещались ему отменить указанный старый русский обычай, который действительно с этого времени начинает постепенно исчезать из нашей церковной практики. Вероятно, что Феофан обращал внимание Филарета Никитича и на какие-либо другие церковные особенности тогдашней московской Руси и настаивал на согласовании их с тогдашним греческим церковным чином и обрядом. По крайней мере, Филарет Никитич в одной из своих грамот к Феофану (в 1625 г.) писал: «Да ваше святительство писал к нам и прислал переводы с греческих древних потребников о освящении богоявленские воды, о прилоге огня и о иных духовных делах, о которых мы, по совету сына нашего великаго государя и

²⁶ Житие прп. Дионисия. С. 135–137.

великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русин самодержца, советовали с тобою, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилоге исправили и утвердили по вашему совету во веки неподвижно»²⁷. Очевидно, что уже Филарет Никитич под влиянием советов и убеждений Феофана производил частичное согласование русских чинов и обрядов с тогдашними греческими. Но особенное внимание Феофан в своих целях должен был обратить и действительно обратил на [С. 40] дело прп. Дионисия и на самую личность сего последнего.

Прп. Дионисий был горячим, убежденным почитателем прп. Максима Грека, вполне понимал и одобрял произведенные им книжные исправления и переводы с греческого, сам ими пользовался и заботился об их распространении. Составитель жития прп. Дионисия Симон Азарьин говорит: «До сего Дионисия в дому Сергия Чудотворца мало любили Максима Грека книг, тако же и переведенные от ученика его Селивана ни во что полагали книги, и в соборе в торжества уставщики не давали их чести», но Дионисий переменял это положение дел, «повеле хорошим доброписцам написать книги различные (между прочим, переведенные Максимом и его учеником Селиваном); и идеже бе годно ему, тамо рассылаше в монастыри многия, паче же в соборные храмы, между другими и в Москву»²⁸. Очевидно, прп. Дионисий не только заботился об исправлении книг, но особенно ценил книги, исправленные Максимом Греком и его учеником Селиваном с греческих, и тем самым признавал нужду исправления русских богослужебных книг с греческих. Ввиду этого вполне естественно было, что когда царем прп. Дионисию поручено было исправление Потребника, то он в затруднительных случаях, для проверки неисправных и испорченных славянских переводов, обращался к греческому тексту венецианских, вероятно, изданий. В своей речи к Собору об исправлении Потребника прп. Дионисий прямо заявлял, что прилога *и огнем* нет в старых славянских списках, «також и в греческих печатных нет же». Заявляя, что [С. 41] «мы никое дарование Духа Святаго на водоосвящение призываем, но самаго того Духа Святаго», замечает, что о том свидетельствуют все старые книги: «о том же свидетельствует и в греческих книгах». Или, например, он спрашивает: «Что ради не писано в старых переводах и в харатейных, и в греческих “и огнем”, но Духом Твоим Святым?» Свой принципиальный взгляд на отношение славянского текста к греческому он выражает, между прочим, в словах: «Я еже рещи “Духом Святым и огнем”, то с греческими переводы достоин справитися»²⁹. Сотрудник прп. Дионисия в исправлении Потребника старец Арсений Глухой в своей оправдательной речи говорит: «И в греческих переводах у Арсения, архиепископа Суздальского, четырех патриарх в четырех переводах, не писано же “и огнем”». Арсений свидетельствует, что прп. Дионисий пользовался переводами Максима Грека. Указывая в своей речи на один частный случай, он замечает: «Тот похвальный канон написал (прп. Дионисий) с Максимова переводу Грека, Максим же Грек инок благочестив был и премудр и словеснаго любомудрия зело преисполнен, священные же философии до конца навькл, ибо святая божественная списания его яве свидетельствуют о нем, и о премудрости и о разуме, и смысле и видах». И в другом месте речи о себе замечает: «Аще бы бедный аз нищей чернец от неразумия что и худо написал, но с переводу писал и не собою замыслил, но и с пресловутаго еще мужа переводу писал и многого премудрости инока Максима Грека»³⁰.

[С. 42] Из приведенных нами свидетельств ясно, что прп. Дионисий был почитателем Максима Грека, считал русские церковные книги испорченными, считал необходимым при их исправлении обращаться к тексту греческих печатных книг и греческим проверять правоту или неправоту русского, т. е. он принадлежал к редким в то время у нас грекофилам, и свое греко-

²⁷ Греческие дела 7133 г. № 5.

²⁸ Житие прп. Дионисия. С. 119–121.

²⁹ Рукописный сборник из книгохранилища Погодина № 1574, где речь прп. Дионисия приведена полнее, нежели в рукописном сборнике библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 700, хотя и в погодинском сборнике она без конца.

³⁰ Рукописный сборник библиотеки Троице-Сергиевой Лавры № 700.

фильство он, сверх того, выражал, вероятно, особенно радушным приемом в Троице-Сергиевом монастыре всех тех греков, просителей милостыни, которые приезжали в Москву и потом обязательно посещали Троице-Сергиев монастырь. Ввиду этого понятным становится, почему патриарх Феофан так энергично вступился за прп. Дионисия, всячески старался добиться оправдания не только его лично, но и признания правоты совершенных им книжных исправлений, почему он, будучи в Троице-Сергиевом монастыре, так торжественно и необыкновенно выразил свое чрезвычайное уважение и расположение к прп. Дионисию. Он видел в нем сторонника и почитателя греков, сторонника того направления, которое заявляло, что не греческое проверяется русским, а русское греческим, что нормы истинного и правого церковного чина и обряда в случае возникновения сомнения нужно искать и можно находить не у русских, а у греков. Поддержать и поощрить это очень слабое тогда направление среди русских Феофан, как грек, считал своею прямой и неременной обязанностью. Недаром, конечно, современный событиям составитель жития прп. Дионисия замечает о патриархе Феофане: «Дивный патриарх Феофан учинил в России многи сыны православныя греческия книги писать и глаголати, и философство [С. 43] греческих книг до конца научил ведать»³¹. Конечно, это замечание биографа прп. Дионисия о характере деятельности патриарха Феофана на Руси более относится к Юго-Западной Руси, но могло иметь некоторое отношение и к Руси Московской, где в то время были знавшие и греческий язык. В Палинодии Захария Копыстинского говорится, что в Москве есть люди мудрые и богословы православные «язык греческой знаючи и о чем нам святыи отец патриарх Иерусалимский кир Феофан поведал, а он был на Москве»³². Очень может быть, что под этими мудрыми и православными богословами в Москве, знающими и греческий язык, Феофан разумел именно прп. Дионисия и Арсения Глухого, и очень вероятно, что Феофан и москвичей старался поощрить к изучению греческого языка, между прочим, и для того, чтобы они могли составить себе более правильное представление о тех особенностях церковного чина и обряда, какие тогда существовали у русских по сравнению с греческими.

Важным по своим последствиям действием Феофана в Москве было поставление им в Московские патриархи отца государя Филарета Никитича, только что возвратившегося из польского плена. В настольной грамоте, данной им Филарету Никитичу, Феофан говорит, что по прибытии в Москву он встречен был самим государем «любезно, человеколюбно и милосердо», что за это «надлежит и нам всею душою и мыслию святому и великому его царствию служить и услуги показывать, и не токмо ныне, но и во все время жизни наша вседушно благодарити и многия благодарения [С. 44] воздавати». Затем Феофан говорит: «Когда его благочестивейшаго и мирнейшаго царя Михаила Феодоровича, самодержца Всероссийскаго, мерность наша собственными очами увидевши, и о данном и дарованном от горняго Божия Промысла великому его царствию расширению и умножении уверившись, то праведно и благопристойно разсудили, что токмо един есть ныне на земли великий и православный царь, а другой, по истине, никто же, яко же он во всей вселенной под небесем и под солнцем». Ввиду же того, что Московская Церковь оставалась без пастыря, собран был, по повелению государя, Собор архиереев в Москве для избрания патриарха. «И на сем Соборе все, проникнутые Духом Божиим, единогласно, едиными устами и сердцем, праведным наречением нарекли и избрали преосвященнаго митрополита, господина Филарета Ростовскаго и Ярославскаго, мужа воистину достойнаго, праведнаго, добродетельнаго, мудраго, святаго и боголюбивейшаго, и неволею призвали на высочайший здешний престол Соборные и Апостольские Церкви, а потом, по правилам св. апостол и по преданиям св. отец, также и прежде нас бывших патриархов, как братий и сослужителей нашего смирения, мы, наименованием и призыванием пребезначальнаго Отца и содействием Святаго Духа, возложив руки и совершив над ним подобающее служение,

³¹ Житие прп. Дионисия. С. 125.

³² Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. 3. С. 342–343.

нарекли его Святейшим Патриархом великия Христовы и Кафолическия Церкви в царствующем граде Москве и наименовали сослужебником нашего смирения и прочих патриархов, с которыми ему числиться и поминаться»³³.

[С. 45] Поставление Феофаном в Московские патриархи отца государя Филарета Никитича оказало самое решительное влияние на последующие сношения иерусалимских патриархов с русским правительством. Благодаря этому обстоятельству Филарет Никитич, как ставленник Феофана, всегда относился к нему с особенным вниманием и предупредительностью, исполняя по возможности все его просьбы и ходатайства, вследствие чего между иерусалимскими патриархами и московским правительством установились близкие и постоянные сношения, не прекращавшиеся до самой смерти Феофана, а потом продолженные его преемниками. К обозрению этих сношений мы теперь и перейдем.

От 12 марта 1621 года Феофан писал Филарету Никитичу: «Ведомо буди тебе, пресветлый владыко, что мы, вашими святыми молитвами и милостью благочестиваго царя и помощью всеблагаго Бога, освободились есми от супротивных вере нашей. Вместе с воинскими людьми киевлени проводили нас до рубежа Волоссаго; малым сказанием объявляем, что ныне пребываем в Волохах, славлючи и величаючи державу царствия вашего. А изде государствует благочестивый Александр воевода, а пониже того, в Мутьянех, сидит Михны воеводы сын, Радул – воевода благочестив, который прежде сего владел и государством – Мутьянской землею восемь лет, а оттоле после был в Волохах три года, да опять ныне в Мутьянех, а сажает их турецкой. А про турецкаго и про литву про их недружбу похотите ведати, и они и меж собою в не-дружбе, а что не бьется – турецкой цесарев посол помирил, а еще не утвержено. А во Цареграде патриарх Кирилл, а Тимофея не стало, а во Александрии [С. 46] патриарх Герасим, а в Антиохии патриарх Кирилл, а иные сказывают – Христофор, а стараго Афонасия не стало. А мне и зде годовать до великаго дни, что государь меня не отпустит, и я послал архимандрита своего, да митрополита Вифлиемскаго, что заехал его есми здесь в вотчине Святаго Гроба, с вашею царскою милостынею, да заплатит долг, елико сил станет; потом и аз после великаго дни поеду»³⁴.

В 1622 году Феофан опять писал Филарету Никитичу с силистрийским митрополитом Иоакимом, приезжавшим в Москву за милостынею: «Просили есмя прежде всего дважды и трижды нужу свою и инья многия, аще будет дошли (грамоты); еще ныне не велико пишем с преосвященным митрополитом Силистрийским господином Иоакимом, с братом и сослужебником нашим, обрели есмя его во время, как идти, и он всем раденьем хотел придти (в Москву), а вам челом ударити, и про нас и о иных делах будет вам известити вся подлинно. Аще будет время оттоле – из Мутьянские земли, будем писати»³⁵.

В апреле 1625 года в Москву прибыло торжественное посольство от Феофана, состоявшее из его племянника архимандрита Кирилла, келаря Акакия, дьякона Митрофана, бельца – патриаршего человека Иосифа, архимандрита монастыря Саввы Освященного Григория со старцами.

Архимандрит Кирилл привез государю грамоты от Феофана, вифлеемского митрополита Афанасия, а архимандрит Григорий – от братии монастыря Саввы Освященного.

Патриарх Феофан писал в своей грамоте государю: «Ведомо ти буду велелепный царю: мы, молебники [С. 47] царствия твоего, пребывающие зде во святых и богостепенных местах Господа нашего Иисуса Христа, идеже ему погребшуся и воскресшу и всему миру спасенные страсти и чудеса показавшу – во Святом Граде Иерусалиме, тем подобием терпим и мы днесь бесчисленные нужды, и налоги имеем неизвестны, и неповинно заключаемы бываем от иноплемennых еретиков, и всякое безчестие многое для любви Христовы терпим, елико ж и писати не

³³ Собрание государственных грамот и договоров. Т. III, № 46.

³⁴ Греческие дела 7130 г. № 1.

³⁵ Греческие дела 7131 г. № 1.

возможем проторей всех и великих долгов, что наложили на великую Церковь Христову и святой и животдарованный Гроб и на нас: до пятидесяти тысяч золотых по счету, и оттого в великое убожество впадохом и в нужду. И николи ж не престанут нам дати покоя зломышленники, наругался хрестьянской вере, и всегда хотят нас изгнати вон от Святаго Гроба и от Лобнаго места, идеже распяша Господа нашего Иисуса Христа. А мы силою Христовою о Боге надеяся, что пресветлое лицо царствия твоего видехом и милостину прияхом, и вперед от державы царствия твоего помощи чаем, против их всегда стоим и не дадим им, нечистым псом, завладети и потесните живодарованнаго Гроба Христа Бога нашего». Далее патриарх просит государя принять посланных его «пресветлым лицом против нашего лица», уведомляет о получении от царя присланной с Иваном Гавриловым и Тихоном Васильевым (нашими послами в Турции) заздравной милостыни и особой – на помин по князе Федоре Ивановиче Мстиславском – и просит, чтобы государь «прислал ко Святому Гробу на высвобождение от тяжкого долгу милостыни; а мы развее Бога и вас, великаго государя, инаго помощника и теплаго заступника ко Церкви Христовой [С. 48] не имеем. Буди свободитель и покажи милосердие святаго самодержавнаго царствия своего от нас к посланным нашим для любви святаго и живодарованнаго Гроба и свободитель будеши роду нашему».

В другой грамоте Феофан просил государя сотворить милостыню монастырю св. Саввы Освященного, «за-не же они (иноки этого монастыря) великою нуждою пребывают в той святой обители, занеже арапляня во дни и в нощи их нудят. И пречудно есть во днех сих, как они в пустынях пребывают и держат ту святую лавру, потому что преж сего было близ Иерусалима и в пустыни иорданской 300 монастырей, а ныне только они остались, и днесь пребывают со многими труды и помощью твоею царскою, что прияша твою царскую милостыню, во дни и в нощи молят беспрестанно Бога о твоей святой царской державе, да сохранит вовеки царствие твое, а не имеют ни откуда помощи, развее от Бога и от твоей царской державы, и то пустынное место и святую лавру св. Саввы держат насилиу».

Писал Феофан с архимандритом Кириллом и к боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому о нуждах и бедах, претерпеваемых христианами на Востоке от врагов веры Христовой. «Ведомо буди честнейший – пишет патриарх боярину, – что нужды и беды вседневно принимаем от врагов веры нашея Святаго Гроба, что невозможно и писати к тебе от великих бед и от тяжкого долгу, что есть на великие Христове Церкви; а мы все терпим для любви Христовой, и для того послахом ко благочестивому великому царю» архимандрита Кирилла для милостыни, «прими и ты их милостиво и боголюбиво и милостину достойну сотвори им, что тебе благий Бог подаровал [С. 49] для любви Христовой и для Божья и живодарованнаго Гроба». Такие же просительные письма о помощи писал Феофан к Ивану Никитичу Романову, к князю Ивану Михайловичу Воротынскому и к Федору Ивановичу Шереметеву.

Вифлеемский митрополит Афанасий, в особой грамоте государю указывая на великую важность Вифлеема, куда волхвы с Востока принесли золото, ливан и смирну, о котором православные древние блаженные цари радели и куда они «присылали множество казны», извещает, что посланную ему милостыню принял, а теперь снова посылает инока Германа, да примет милостыню от царя, «занеже нам многие налоги и убытки от иноплеменных делаются, да к тому ж обрушилась от многолетства во святом Вифлиеме у церкви одна сторона, и мы молим, да поможеши нам своею государскою милостынею, и мы церковь починим по-прежнему». В заключение просит, чтобы государь прислал «от казны своея, что вам Бог известит», «якоже и персидские цари принесоша ко святому Вифлеему о рожестве Христове дары», «занеже, – поясняет митрополит, – не имеем нигде главы приклонити, разве святяя державы царствия твоего».

Царским указом приказано было посланным Иерусалимского патриарха Феофана архимандритам и их старцам первого мая быть у государя. «И того дни у государя архимандриты и старцы были. А послан по ним на подворье с лошадьми и ехал с ними в город пристав их

Тимофей Оладьин, а лошади по ним посланы с конюшни (царской); а келари и строители и черные попы и старцы шли в город пеши. А приехав архимандриты в город, ссели с лошадей у Посольской палаты и шли в Посольскую [С. 50] палату и дожидалися государева выходу в Посольском приказе, а келари и строители и черные попы и иные старцы сидели в передней палате. А как они в городе были, и в то время были в городе стрельцы в цветном платье без пищалей. А вверх ко государю в золотую палату из Посольского приказа с архимандриты и старцы шел Тимофей Оладьин. А государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси в то время был в золотой средней в подписной палате в опашенке в золотной. А при государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Руси были бояре и окольниковичие и думные люди в опашенках нарядных с кружевы и в черных шапках, а в сенех проходных и по крыльцу были дворяне, и дьяки, и подьячие всех приказов в чистом платье. А как архимандриты и старцы вошли ко государю в палату, и явил государю челом ударить посольской думной дьяк Иван Грамотен, а молвил: великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русин самодержец и многих государств государь и обладатель! Ерусалимского патриарха Феофана архимандрит Кирилл, да Саввинского монастыря архимандрит Григорей, и келарь и старцы вам, великому государю, челом ударили. И архимандрит Кирилл правил государю от патриарха челобитье, и подали архимандриты грамоты. И государь велел грамоты принять думному дьяку Ивану Грамотину и велел государь спросить архимандритов о спасенье и велел призвать к руце. А после того явил государю поминки думной дьяк Иван Грамотен, а молвил: великий государь царь и великий князь Михайло Федорович, всеа Русин самодержец и многих государств государь и обладатель! [С. 51] Ерусалимского патриарха Феофана архимандрит Кирилл привез к тебе, великому государю: мощи великаго чудотворца Николы в серебряном ковчежце, мощи св. великомученика Георгия Победоносца, 2 свечи от Гроба Господня, меру Гроба Господня, вода св. Иордана-реки, в ней же Христос крестися; да от вифлиемскаго митрополита: мощи св. мученика Меркурия; Саввина монастыря архимандрит Григорей привез к тебе великому государю: мощи св. Иоанна Златоуста, мощи св. апостола Нассона, свечи от Гроба Господня, вода иорданская. И государь велел мощи принять казенным дьякам и велел государь сказать архимандритам свое государево жалованье и отпустил на подворье».

После приема у царя подобный же прием посланным Феофана был устроен и у патриарха Филарета Никитича. Особенности этого приема заключались в следующем: «А великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии сидел в крестовой палате в бархатной манатье и в клобуке с сажеными херувимы; а от государя святейшаго патриарха по левой стороне в лавке сидели Крутицкий митрополит Кипреян, а под ним сидели боярин князь Андрей Васильевич Хилков, да думной дьяк Иван Грамотин. А по другой стороне сидели архимандриты: чудовской Иосиф, да Спаса-Нового монастыря Иосиф, да симоновский Левкий, да андрониковской Геннадей, да богоявленский игумен Илья, да архидиако́н Дионисий, да казначей Сергей Ладыженский. А на лавке у дверей сидели государевы святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русии приказные люди». Когда архимандриты вошли в патриаршую палату, «явил [С. 52] их государю святейшему патриарху челом ударить посольской думной дьяк Иван Грамотин, а молвил: великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии, Ерусалимскаго патриарха Феофана архимандрит Кирилл, да Саввинскаго монастыря архимандрит Григорей и келари, и старцы вам, великому государю, святейшему патриарху, челом ударили, приехали от вашей государские святительские руки приняты благословение и бити челом о милостыне».

Затем племянник Феофана архимандрит Кирилл «правил великому государю святейшему патриарху от Ерусалимскаго патриарха Феофана, да от Александрийскаго патриарха Герасима челобитье и подал грамоты. И государь святейший патриарх спросил о патриархове Феофанове и Герасимове спасении и здоровье, встав, а молвил: о Святем Дусе братью нашу Феофана, патриарха Иерусалимскаго, и Герасима, патриарха Александрийскаго, как Бог

милует, во спасении ль пребывают? А грамоты велел принять думному дьяку Ивану Грамотину», после чего они были отпущены на подворье.

Точно таким же образом посланные Феофана приняты были государем на прощальной аудиенции «на отъезде», как тогда говорилось, причем думный посольский дьяк Иван Грамотин от лица государя обратился к архимандритам с такою речью: «Архимандриты Кирилл и Григорий! Великий государь царь и великий князь Михаил Федорович, всеа Русии самодержец и многих государств государь и обладатель, велел вам говорити: приезжали есте к нашему царскому величеству и к отцу нашему, великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Русии, бити челом о милостыне, и мы, великий [С. 53] государь, и отец наш, великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русин, пожаловав вас нашим жалованьем, велели вас отпустить назад к святейшему Феофану-патриарху, а с вами посылаем мы и отец наш великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русин, и мать наша благородная государыня инока Марфа Ивановна, в дар ко Гробу и к распятию Господню золотыя и иная потребная церкви Божии, о чем к нам писал патриарх Феофан в грамотах своих. Да и к патриархам Иерусалимскому и Александрийскому и в Саввин монастырь досылаем с вами нашего и отца нашего великаго государя святейшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русин жалованья милостыни. И вы от нас то жалованье патриархом отвезите, а патриархи б, Александрийской и Иерусалимской, молили б Бога и Пречистую Богородицу и всех святых о нашем царском многолетнем здравии и о отце нашем, великом государе святейшем патриархе Филарете Никитиче Московском и всеа Русин, и о матери нашей благородной государыне иноке Марфе Ивановне о спасении, и о здравии, и о нашей жене, царице Евдокее, о здравии, чтоб милосердый Бог царство наше устроил мирно и иодировал бы нам благородные чада в наследие государств наших». Точно так же архимандриты приняты были «на отъезде» и точно такую речь выслушали от патриарха Филарета Никитича, причем и царь, и патриарх послали от себя с архимандритом Кириллом грамоты к Феофану, в которых одинаково извещали его о посылаемых ему дарах, просили его молитв, и только в грамоте Филарета Никитича находится такая приписка: «да ваше святительство [С. 54] писал к нам и прислал переводы с греческих с древних потребников о освящении богоявленские воды, о прилоге огня и о иных духовных делех, о которых мы, по совету сына нашего, великаго государя... советовали с тобою, как еси был у нас на Москве, и мы то приняли от вашего святительства любительно и о прилоге, и исправили, и утвердили по вашему совету во веки неподвижно», и затем пишет, что данная ему в Москве Феофаном настольная грамота сгорела во время пожара, почему и просит его прислать новую вместо сгоревшей.

Государева и патриаршего жалованья всего дано было «на приезде»: архимандриту Кириллу, кроме образов, на 140 руб.; саввинскому архимандриту Григорию на 120 руб.; келарям двум человекам по 64 руб. человеку, иерусалимскому дьякону 44 руб., человеку патриарха Феофана 38 руб. и саввинскому старцу 20 руб. На «отъезде» дано было: архимандриту Кириллу на 40 руб., саввинскому Григорию на 35 руб., келарям по 20 руб., иерусалимскому дьякону на 12 руб., саввинскому старцу на 8 руб. Всего посольство Феофана лично для себя только от царя и патриарха получило подарков на 625 руб., что, принимая тогдашний рубль за четырнадцать нынешних, будет около 8000 нынешних рублей. Кроме того, за все время пребывания в России оно пользовалось ежедневным царским содержанием. В Москве, например, «поденного корма» давалось: архимандритам Кириллу и Григорию по 3 алтына на день, да питья: по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива; келарям их по 10 денег, саввинскому старцу да патриаршу человеку по 8 денег, а питья им давалось: по 3 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 кружки меду.

[С. 55] В докладе Посольского приказа (который ведал всех приезжих в Москву иностранцев, в который последние обязательно являлись немедленно по прибытии в Москву и где они подвергались допросам) государю о приезде архимандрита Кирилла говорится, что патри-

арх Феофан просит государя о милостыне вообще и, кроме того, просит еще серебряную чашу для освящения воды «рублей в 200 и болши и иная потребная ко святыне сотворить, елико им, государем, Бог известит». Кроме того, Феофан просит у государыни инокини Марфы образ вроде того, какой она пожаловала ему, когда он был в Москве, а также елей серебряный, да на масло деревянное, как Бог известит.

По этому случаю сделана была в Приказе выписка о тех дачах, какие до сего времени уже получил от русского правительства Иерусалимский патриарх Феофан. Из этой выписки оказывается, что лично Феофану, когда он был в Москве, всего дано подарков от государя, патриарха и государыни инокини Марфы на 2236 руб. с полтиною. С нашим послом в Турции Кондыревым в 1622 году Феофану лично послано было соболей на 120 руб., да к Воскресению Христову ко Гробу Господню в дар 100 золотых; в придел Распятия, что на Голгофе, 30 золотых; саввинскому и вместе архангельскому игумену 3 золотых, келарю 2, двум человекам попам, да двум дьяконам по золотому человеку; на братью на 60 человек 30 золотых; вифлеемскому митрополиту 20 золотых. В 1624 году с послом Иваном Бегичевым патриарху Феофану было послано соболей на 120 руб., к Воскресению ко Гробу Господню 50 золотых, в придел Распятия на Голгофе 15 золотых, архангельскому [С. 56] игумену 2 золотых, келарю один золотой, двум попам да двум дьяконам по полужолотому человеку, да на братью на 60 человек по чети золотого на человека – итого 19 золотых с полужолотым; вифлеемскому митрополиту 10 золотых, церкви Рождества 10 золотых.

Теперь с архимандритом Кириллом Феофану послано было от государя и патриарха соболями на 350 руб., да от царицы Марфы лампада серебряная и сверх того 100 руб. на масло. Кроме того, государь послал Феофану «чашу серебряную с поддонником для освящения воды, а Филарет Никитич рукомойник да лахань серебряные позолоченные, ширинка сажена жемчуги с кистями; в лахани весу 17 гривенок 34 золотника, а по цене деньгами 88 руб. 18 алтын; в рукомойнике весу 14 гривенок 6 золотников, а по цене деньгами 70 руб. 21 алтын; всего в лахани и рукомойнике весу 31 гривенка (т. е. около 16 фунтов) 40 золотников, а стоят на деньги 159 руб. 6 алтын; ширинка в счет не положена». С архимандритом Кириллом еще послано было: к Воскресению ко Гробу Господню 100 золотых, в предел к Распятию на Голгофе 30 золотых, архангельскому и вместе Саввинскому игумену 3 золотых, келарю 2 золотых, двум попам и двум дьяконам по золотому, на братью 60 человек 30 золотых, вифлеемскому митрополиту 20 золотых, в церковь Рождества 20 золотых. А послана эта милостыня для того, «что турецкие люди наложили на Церковь Христову и Святой Град Господень многую дань и многую тягость учинили».

Иерусалимское посольство было возвращено назад не обычным путем через Путивль и Польшу, а морем на Архангельск, через Англию, причем государь послал [С. 57] С НИМ к английскому королю особую грамоту, в которой объясняет, что иерусалимское посольство он велел отпустить «на ваше английское королевство для того, что им на иные государства в Иерусалим проехать не мочно: в польской и литовской земле греческой вере от латынь неистовство многое, и чрез польскую и литовскую землю не пропускают и тесноту им чинят многую», ввиду чего просит короля посодествовать им на корабле переправиться в Иерусалим, «а мы, великий государь, вам, брату нашему, потому ж будем воздавати нашею государскою любовью, где будет нам пригоже и возможно»³⁶.

Отправив в Москву своего племянника архимандрита Кирилла, Феофан, между тем, воспользовавшись случаем, снова писал государю и Филарету Никитичу от 15 сентября 1625 года с синайским архимандритом Малахию, отправлявшимся в Москву, жалуясь на притеснения армян и латинян, почему и просил оказать милость посланному им в Москву архимандриту Кириллу. «Многие печали и тесноты в нынешних днех принимаем, – писал он государю, – и

³⁶ Греческие дела 7133 г. № 5.

пребываем в нуждах и печалех от иноплеменных врагов – от армен и от латын, которые имеют у себя многое богатство и хотят у нас отнять Святые Места из рук наших на похуление православным хрестьяном. А мы в том надежды не имеем опричь вашии государские милости, и сего ради молим: да поможете нам и милостину пошлете с нашими людьми, которых послали есмь к вам преж сего (разумеет архимандрита Кирилла), а мы во дни и в нощи надежду и упование на святую державу твою имеем, да освободимся от врагов своих». В грамоте к Филарету [С. 58] Никитичу писал между прочим об отпуске из Москвы его архимандрита Кирилла с милостынею для того, «что Святой Гроб и иные многие Святые Места нужды принимают от еретик иноверных, и чтоб их латыня и армена своим богатством не обладали и благоверным хрестьяном позорища не было, потому что иные надежды и помощи, развее вашего царствия не имеем и сего ради молим: сотворите милость!»³⁷.

В конце 1629 года в Москву прибыло новое посольство из Иерусалима: вифлеемский митрополит Афанасий, иерусалимский архимандрит тоже Афанасий и монастыря Саввы Освященного архимандрит Исаия. С митрополитом Афанасием Феофан прислал государю грамоту, писанную от 28 июля 1629 года, в которой он извещает царя о получении милостыни и подарков, посланных к нему с архимандритом Кириллом, благодарит за них и затем пишет, «что злый недруг ныне, некоторый князь нечестивый тиран пришел и восприял Святой Град Иерусалим без указу и без изволения царскаго и великий убыток нам учинил, не только едино к нам, но и к природным своим нечестивым языком агаряном, боле штидесять тысяч ефимок нам учинил он – от Бога проклятый князь... два года держал Святой Град Иерусалим и нечего было нам ему сотворити и инде прибегну ти», ввиду чего и обращается к государю с просьбою о милостыне. В грамоте к государыне Евдокии Лукьяновне Феофан пишет, чтобы она, подобно святой царице Елене, соорудившей многие церкви и надзиравшей Святые Места, обновила церковь Воскресения. К государыне инокине Марфе Феофан между прочим пишет: «Сотвориши им милостыню, яко же и [С. 59] преже того нас миловала еси, аже тою святою иконою (которая дана была государынею Феофану в бытность его в Москве), что есть творит ныне многие чудеса и здравие подает и всяк, ее видя, честь и хвалу воздает, что есть даяние от рук царских». Привез митрополит Афанасий от Феофана и новую ставленную грамоту Филарету Никитичу. На этот раз милостыня к Феофану была послана не великая. Так как в 1629 году нашими послами в Турции, Яковлевым и Евдокимовым, дано было Феофану пять сороков соболей на 170 руб., то теперь (в 1630 г.) к Феофану послано было на милостыню с вифлеемским митрополитом только два сорока соболей на 100 руб., о чем царь и патриарх известили Феофана особою грамотою³⁸.

Посылая в Москву вифлеемского митрополита Афанасия, Феофан рассчитывал получить через него от русского правительства большую богатую милостыню, а получил только 100 руб., т. е. на наши деньги 1400 руб. Феофан был обижен, увидел в этом нерасположение к себе русского правительства, которое, по его мнению, поддавалось зловредному влиянию некоего враждебного ему, проживавшего тогда в Москве, веррийского митрополита Аверкия, против которого и решился теперь ополчиться Феофан. Дело тут заключалось в следующем.

[С. 60] Феофан, уезжая из Москвы, после поставления в патриархи Филарета Никитича, оставил в Москве своего старца Иоанникия на вечное житье здесь. Этот Иоанникий стал называться у нас Новоспасским келарем, греком Иоанникием и пользовался особым расположе-

³⁷ Греческие дела 7134 г. № 17.

³⁸ Греческие дела 7138 г. № 80. 5 мая 1630 г. послы Яковлев и Евдокимов возвратились из Константинополя и привезли грамоту Феофана от 25 февраля 1629 года, в которой он писал государю: «Ведомо буди самодержавному твоему царствию о сем, державный царю, что есмь богомольцы святаго твоего царствия, пришли есми в то время от Святаго Града Иерусалима в Константин град и обрели есми послов царствия твоего... и были у них и благословили их и приняли от них из рук... милостыню пять сороков соболей. И монастырь Святый Град Иерусалим до днесь цел и нерушим» (Греческие дела 7138 г. № 23).

нием царя и патриарха. В лице Иоанникия Феофан хотел иметь при московском дворе преданного ему агента, который бы служил в Москве представителем и надежным истолкователем патриарших нужд и интересов и, что особенно важно, который бы направлял щедрую русскую милостыню главным образом в Иерусалим. Иоанникий действительно сделался в Москве радетелем интересов Иерусалимского патриарха, который не раз в своих письмах к Иоанникию просит его устроить то или другое дело и особенно, указывая на его влияние при дворе, просит похлопотать о милостыне Святому Гробу. Иоанникий, конечно, хлопочет об этом, хлопочет и по другим делам Феофана. И не только сам Феофан обращался к Иоанникию, прося его содействия при московском дворе по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь в Москву, старались запастись рекомендацией к Иоанникию как сильному и влиятельному в Москве, от которого много зависит успех ходатайства просителя о милостыне. Действительно, Иоанникий успел приобрести в Москве сильное влияние на раздачу милостыни просителям, так как наше правительство обращалось к нему за сведениями относительно приезжавших в Москву просителей милостыни и относительно разных греческих монастырей. По просьбе Филарета Никитича Иоанникий даже написал особую докладную записку о монастырях, имеющих в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой [С. 61] земле. Когда персидский шах прислал в дар Михаилу Феодоровичу ризу Господню, то в Москве остереглись сразу поверить в подлинность этой ризы и, между прочим, обратились за справками к келарю Иоанникию, не знает ли он чего про «Христову срачицу» и про иные святыни, где они и в котором государстве, не слышал ли он чего об этом в Греции, когда был там³⁹.

Между тем в июле 1628 года прибыл в Москву и остался здесь на житье веррийский митрополит Аверкий. То же сделали митрополиты Селунский Паисий, приехавший в Москву в 1629 году, и Севастийский Иосиф, приехавший в 1630 году. Эти три иерарха, поселившись в Москве, жили при дворе, пользовались у царя и патриарха почетом и влиянием. По мысли русского правительства, выездные иерархи должны были быть посредниками между просителями милостыни с Востока и правительством: они должны были давать правительству сведения о личности просителя, о монастыре или епархии, представителем которой проситель является, о действительных нуждах и потребностях епархии или монастыря, должны были разоблачать обманы и проделки разных самозванных просителей милостыни и т. п. Очевидно, что роль их в этом отношении была очень важна и влиятельна, так что дело раздачи милостыни просителям почти исключительно перешло в их руки. Самым видным и влиятельным лицом из этих трех иерархов был митрополит Веррийский Аверкий, скоро приобретший сильное расположение к себе Филарета Никитича и полное его доверие, которым он, впрочем, воспользовался [С. 62] исключительно в видах личной наживы. Как и следовало ожидать, Аверкий не ужился ни со своими сотоварищами, выходцами-иерархами, ни тем более с келарем Иоанникием, ранее тоже сильным и влиятельным при московском дворе. И вот Аверкий начинает инсинуировать: «На него-де всякое зло умышляет спасский бывший келарь Иоанникий, вместе с Селунским митрополитом Паисием, всегда с митрополитом сходятся и пьют, а на Аверкия умышляют, как бы его чем опозорить и от государские святейшаго патриарха милости отлучить своими лживыми доносами». Аверкий заявлял еще, «что Селунский митрополит Паисий, умысля с Иоанникием, севастиийскаго митрополита наговаривают, чтобы с ними ж в совете был и звал его к себе Селунский митрополит дважды и с ним о том говорил, чтобы с ними ж был в совете на него Аверкия. И севастиийский митрополит Иосиф у Селунскаго митрополита был, а он, Аверкий, опасается от них всякаго дурна, и великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руси про то было бы известно». В этой затеявшейся борьбе между выездными греками из-за влияния при московском дворе Аверкий оказался сильнее своих противников. В 1631 году ему удастся сослать на Соловки племянника Иоанникия, черного дья-

³⁹ Греческие дела 7135 г. № 19; 7136 г. № 11; 7137 г. № 22. Дворцовые разряды. Т. II. С. 768 и 788.

кона Иоасафа, что указывает на упадок влияния при дворе келаря Иоанникия, который, впрочем, вскоре после ссылки своего племянника «умер скорою смертью без приказа (духовной) и без отходных». Теперь у Аверкия остался один противник, Селунский митрополит Паисий, но с ним соединился скоро другой, всех более опасный и влиятельный в Москве, – сам Иерусалимский патриарх Феофан.

[С. 63] Феофан, как сказали мы выше, имел в Москве в лице келаря Иоанникия безусловно преданного ему человека, который являлся всегда ходатаем и представителем интересов Иерусалимского патриарха перед царем и Филаретом Никитичем. Но с появлением в Москве Веррийского митрополита Аверкия авторитет и влияние Иоанникия значительно пали; Аверкий враждебно столкнулся с Иоанникием, одержал над ним победу и тем самым необходимо возбудил против себя Феофана. Последний скоро увидел, что в Москве пользуется влиянием уже не его креатура – Иоанникий, а другой человек, который не имел причин направлять русскую милостыню в Иерусалим или на лиц, рекомендуемых главным образом Иерусалимским патриархом. Когда поэтому отправленный Феофаном в 1629 году в Москву вифлеемский митрополит Афанасий привез ему милостыни только 100 рублей, то Феофан увидел в этом следствие пагубного влияния при московском дворе Аверкия и решился действовать. В письме к Селунскому митрополиту Паисию в 1630 году Феофан просит его словом и делом ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасии, благодарит его, «что прислал нам икону и не забываешь Святого Гроба», а про Аверкия говорит, что слышал, будто он отсек милостыню от Святого Гроба, за что грозит ему наказанием в будущем веке и анафемою от Седми Соборов св. отец.

Писал Феофан от 12 июля 1630 года особое письмо к самому Аверкию, в котором, благодаря его, с одной стороны, за любовь, писал далее: «С другой стороны показал ты зельную кручину, словеса неприязненные к патриарху и царю, и отсек милостыню к Святому Гробу, так что возвратился назад [С. 64] праздным митрополит вифлеемский, издержав более, нежели сколько привез с собою милостыни, вопреки нашему чаянию. К нам писал царь, чтобы прислали за милостынею, и мы прислали, надеясь, что обретет помощь Святой Гроб, ибо погибает от великаго долга и еретиков; ведаешь ты сам, что никогда не пребывают в благе благочестивые христиане; а ты, если так учинил, достоин анафемы, какую произносили на недруга, супостата церковнаго Ария и прочих, святые отцы Седми Соборов. Не мне учинил ты зло, но Церкви Божией, которой поклоняется вся вселенная и все православные христиане; всех ты обидел и милостыню у нас отнял, сказав, будто я милостыню христианскую или царскую здесь христианам отдал и учинил своих митрополитами; ничего такого не бывало, все, что собрали, послал я в церкви Божии. Если сказано про тебя несправедливо, буди тебе благословение и молитва; но вифлеемский пришел порожним и кто не услышал о том, дивился, ибо принес от царя и от патриарха только два сорока соболей, да сто рублей денег Святому Гробу. А мы надежду имеем истинно и ныне, ради того еще написали к царю и пресвятейшему патриарху, чтобы хотя немного прислали; мы и о том благодарим». В конце грамоты находится такая приписка: «Святой Веррийской! Хотели еси много еще говорити и писати, а ныне молчим до тех мест, покаместа будем в Константине-граде, увидим и разсудим, что как ты тут у царя и наговариваешь и доводишь того-сего, да их напраснишь и обманываешь царя, а он того не ведает. А мы начаялись и ждали покаяния от злых дел твоих, а ныне на старости твоей не будем покрывати злоразумие твое многое. Многих в напасть ввел [С. 65] еси! Полно окаянне! близь еси смерти! Начал еси хотеньем своим и показал еси неверие ко многим»⁴⁰.

Наконец, Феофан в том же 1630 году прислал об Аверкин особую грамоту и Филарету Никитичу, в которой писал: «Святейший брат по духу! да знаеши, яже не скорблю о царствии вашем малыя ради милостыни, яко присласте с митрополитом вифлеемским господином Афа-

⁴⁰ Греческие дела 7138 г. № 31.

насием, елико скорблю о некоем Аверкии, некогда митрополите Веррийском, о нем же слышах, яко ложно глаголет о мне к вашей пресвятости, его же и слушаеши и веруеши ему. Обаче, аще восхощете, да познаете лжа его, се первое: повину царство ваше писати к нам и сотвори себе некоего братанца, и он несть ему братанец, точию есть един купец, иже прииде тамо, да купит купля, яже суть соболи и будто бы сам Аверкий имел виноградники в Константинополе; но он не только не имел здесь виноградников, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лет как изгнан из епархии Веррийской, и около десяти лет как переселился в Молдовлахийскую⁴¹. Стыдно говорить все то, что он сделал: по его клевете удержал воевода Александр у меня тысячу златниц и часть той милостыни, которую вы [С. 66] мне дали. Посему и пришел я сюда в Влахийскую область, чтобы взыскать утраченное, которое мне возвратили, и чтобы озаботиться у строенем подворьев Святаго Гроба, которые здесь имею. Не подобало бы мне о нем или о ком-либо другом что рассказывать, но поелику слышали, что он начал ложно говорить о нас вашему царствию, не могли мы сего перенести. Или не довольно ему, скольких он ввел в напасть и что научает царствие ваше заточению неповинных? и вот еще хочет смущать патриархов между собою, а не сидит спокойно, благодаря Бога, который привел его в такое христианское царство, где обрел и честь и покой и где бы мог мирно проводить дни свои, заботясь о том, что полезно душе его, дабы пребывала она в покаянии; но однако зло его не оставляет и он не помнит о своей смерти, и что еще буду о нем писать? – И еще да знайте, яко елицы приходят и приношают отвсюду к вашему царскому величеству послания, он, с Борисом-преводником, протолкуют якоже сами хочут, не показуяще царству вашему истину, и нищие исходят от царства вашего оскорблены от них, яко вами данную им милостыню взимают, и сему (Аверкию) не подобает ниже епитрахиль, ниже омофор возложить. Прочее ваша пресвятость возми и самого сего келейника нашего посланного к вам – Мелентия-инока тай в клеть свою и исповесть ти вся. Прочее же, святейший патриарше господине брате Филарете, аще речет кто от враг наших, яко милостыня царствия вашего не доходит на Гроб Божий и сосуди, иже посласте, не пришли, послите некоего верного архимандрита вашего с двема или с тремя старцы, иже да облекутся во одежды здешних инок и да приидут да поклонятся [С. 67] местом святым и помолятся о благоздравии и спасении царском и о вашей пресвятости, и да не токмо яже доньше вашим тамо прислася царством увидит, но и яже от древних святопочивших царей, дедов и прародителей вашего царства, от блаженнаго Феодора-царя и прочих, ибо и до днесь есть едино Евангелие и митра едина, яже достохвальнейшия суть вещи; долг бо аще и имамы, добре тако есть, имамы бо доволен, яко же и писахом вам. А сосуды царские церковные, глаголю, никакоже изнуреваем, но и зело опасно сохраняем их на память сотворших я царей. О вышереченном же Аверкин весно буди вашей пресвятости, како посла он некогда ко мне моление, купно и се дары, кое же простити его, и абие получи прощение от смирения нашего. Ныне же паки слышав оболгательная его, еже о мне, словеса к царскому величеству и вашей пресвятости, веждь святейший брате, яко паки оскорбихся нань».

На эту обвинительную против Аверкия грамоту Феофана отвечал ему оправдательной грамотой Филарет Никитич. В ней, дословно повторив всю грамоту Феофана, он затем пишет: «Аз же, Филарет патриарх, отвеща убо о сем нашим писанием о том митрополите Аверкии: ей! ей! глаголю о Христе, не лжу, по своему святительству в правду, не слыхал есми от Аверкия про ваше святительство, великаго господина, брата нашего и сослужбника, никакого зла, раз-

⁴¹ Феофан понимает здесь следующие обстоятельства: Аверкий, вкравшись в Москве в доверие царя и патриарха, наговорил им, что у него на родине есть вотчины и виноградники, которые-де он принужден был заложить. Из Москвы он посылал некоего грека Дементия, ложно назвав его своим племянником, для выкупа своих имений и виноградников и для продажи их, причем царь и патриарх помогали ему не только деньгами, но и рекомендательными грамотами к Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису. В действительности же у Аверкия в Константинополе вовсе не было никаких имений и виноградников, все это он придумал с целью выманить у царя и патриарха побольше денег, на которые он покупал товары и посылал их для продажи в Константинополь то со своим келарем Пахомием, то с купцом греком Дементием, которого он ложно выдавал в Москве за своего племянника.

вее хвалился твоим благословением и духовною о Христе любовью. А о малой милостыни, что прислана к тебе от царского величества и от нас, патриарха, с вифлеемским митрополитом, и о том ни царь, ни аз, патриарх, воистину от Аверкия, митрополита Веррийского, не слышали ничего, а [С. 68] учинилась та от нас малая милостыня по самой нужде, что недруг наш и супостат польской король, по умышленью папы Римского, хочет царства нашего достигнуть и до конца его погубить, и веру нашу истинную христианскую православную, греческого закона, разорить и свою папешскую еретическую веру ввести и утвердить. И мы готовимся против недругов своих, и казну многую роздали многим ратным людям и ты, господине-брате, на нас о том не подиви, бесхитростно учинилось, а не от Аверкия. А про большую милостыню, которая послана от царя и от нас с архимандритом Кириллом вашим и с келарем Акакием, и будто тот же Аверкий, ссориваючи нас, патриархов, говорил про тое большую милостыню, что будто ты, патриарх, той милостыни большой в предыдущие годы в свою казну сохранным не доложил и ныне-де тое большой милостыни в вашей казне нет, и мы от Аверкия того не слышали же, и ни от кого того не слышали же, и верим тому, что та большая милостыня, посланная от нас к животворящему Господню Гробу, в вашей казне и ныне цела, айв предыдущие годы будет сохранена цела. А что писано от тебя про Аверкия, что он изгнан из своей Веррийской митрополии от нищеты его и от лукавства его двадцать лет, а того именно не написано: от мирских людей или от духовнаго Собора за его недостойное житие изгнан. А что Аверкий извещал нам на Гречин, на двух Григорьев архимандритов и на Константина Ларева, да и иные гречане нам извещали, что они нашему царству не доброхоты и многую хотели смуту чинить и похвалялись всяким лихом; и мы, сыскав их воровство, рассылали по городам, ни в заточенье, ни в тюрьму, разве для [С. 69] смиренья... И аз, патриарх Филарет, мню себе, что общий наш враг диавол между нас смуту учинил, возненавидев нашу духовную любовь и аз, господине-брате, о том вельми оскорбляюсь...»⁴²

Очевидно, Аверкий пользовался в это время таким большим доверием Филарета Никитича, что даже донос на него самого Феофана не произвел в Москве ожидаемого впечатления; Филарет Никитич оправдывает Аверкия от всех возводимых на него обвинений. Но Аверкий продолжал злоупотреблять своим влиятельным положением в Москве, так что Филарет Никитич принужден был, наконец, неизвестно по какому частному случаю, предпринять против него самые решительные меры, именно: снять с него митрополичий сан и в качестве простого чернеца сослать на житье в костромской Ипатьевский монастырь, откуда, по ходатайству Константинопольского патриарха Кирилла Веррийского, он был взят и отправлен за границу.

Вмешательство Феофана в дело Аверкия едва ли могло произвести в Москве благоприятное впечатление, так как побуждения, руководившие в этом случае Феофаном, были не особенно высокие – это подозрение, что ему под влиянием Аверкия прислана скудная милостыня, тогда как он рассчитывал на получение большей. По этому только побуждению Феофан решается раскрыть Московскому патриарху глаза на Аверкия и все его проделки, о которых он знал ранее, но о которых умалчивал, пока не счел себя обиженным Аверкием. Впрочем, этот случай не оказал никакого заметного влияния на дальнейшие сношения Феофана с русским правительством.

[С. 70] 7 июля 1682 года Феофан извещает государя, что посланная с русскими послами в Турции Прончищевым и Бормосовым от царя и патриарха милостыня 6 сороков соболей им получена, причем благодарит царя, что он не забывает святых мест и посылает ему разные благожелания⁴³.

29 июня 1638 года Феофан писал Филарету Никитичу: «Буди ведомо, что в нынешних временах от великих теснот невозможно человеку в здешних странах в покои пребывать, и

⁴² Греческие дела 7139 г. № 7.

⁴³ Греческие дела 7140 г. № 9.

подобает всякими делы и покорным сердцем просити помощи и облегчения от тяготы своея... А в здешних странах наших до сего дни погибают, аки в огни горяще от вседневнаго насильства и налогов от нечестивых агарян и от их гонения, и не имеем где главы своея приклонити»⁴⁴.

В грамоте к государю от 25 января 1634 года, присланной с подьячим Лазаревым, Феофан пишет: «Буди ведомо, державный царю и христоролюбезный сыну нашего смирения, что мы случилися пребывати в Константинополе для неких причин: учинилися во Святых Местех от немец, роду латинского, многие беды и споры с ними для ради святыя пещеры святого Вифлиома, где Иисус Христос родися для нашего спасения, и хотели нас совсем оттоле отставить, и денежные многие протори учинились нам с ними. Только Божие просвещение далось в сердце многолетному царю салтан Мурату, учинил нам крестьяном праведно, а немец много опозорил и к царствию твоему многую помощь и любовь оказывает, а полякам весьма страх воздал. А послы царствия вашего, Яков Оксентьевич да Матвей Михайлович, [С. 71] разумно живут здесь и досужи и царь в доброй чести имеет, и, скончавши дела царствия вашего, поедут по Божией милости, и мы с ними пошлем наших людей и тогда отпишем, что над нами учинилось». К Филарету Никитичу от 1 февраля Феофан писал: «Буди ведомо, святейший владыко, что беды и нужи чинятца и терпим всегда от недругов веры нашея святого ради Гроба и святого Вифлиома, и болши от гордых еретиков роду папезскаго, похваляются и надеются на богатство свое, а мы всегда прибегаем к Божией силе, и к надежде, и к помощи, и к благочестивому самодержцу Михаилу Феодоровичу всея Руси... А здесь видим царство Турецкое добро вам помогает: Абазу-пашу послал и великую страсть поляком воздал с воеводами с волоским и с мулянским, и шел большой посол литовской и послал воротить ево назад, и то есть помочь царствию вашему. А с которыми с великими людьми знаемся, и мы всегда их понужаем на помощь царствию вашему, и видим, что в доброту пошло дело»⁴⁵.

Особой грамотой от 28 февраля 1634 года государь извещал патриарха Феофана о кончине отца своего патриарха Филарета Никитича 1 октября 1633 года, о поставлении на его место в Московские патриархи Псковского архиепископа Иоасафа, причем пишет, чтобы имя Филарета Никитича было записано во все синодики для вечного поминовения, «донеже его святительство бысть в жизни своей к вашему крайнему святительству о Христе и по духу во всем присный собеседник, и всем Святым Местам великия Палестины твоя святыя паствы бысть незабытний и щедрый назирател». Эта известительная царская грамота отправлена [С. 72] была с послами Коробьиним и Матвеевым, с которыми отправлена была и царская милостыня: к Воскресению Христову ко Гробу Господню в дар 50 золотых, да в придел к Распятью Господню 15 золотых, да на помин по Филарете Никитиче 25 золотых; в иерусалимские монастыри (13) 88 ½ золотых, в Вифлеем к пещере Рождества Христова 10 золотых, да митрополиту 10 золотых, в четыре монастыря около Вифлеема 21 ½ золотой, архиепископу Лидскому 8 золотых, газскому митрополиту 8 золотых, в Синайскую гору 34 ½ золотых; да столько же было роздано указанным лицам и местам на помин Филарета Никитича. Самому патриарху Феофану послано по душе Филарета Никитича соболями на 500 руб., да на милостыню 150 руб. соболями⁴⁶.

Между тем в начале 1635 года в Москву прибыл ранее уже бывший в ней племянник Феофана архимандрит Кирилл. С ним Феофан прислал грамоту государю, в которой писал, что «учинилась у них в Иерусалиме великая смута и изтызание меж православных христиан и латин, тамо живущих, о божественной, святой и великой Пещере, в ней же плотью родися Господь наш Иисус Христос, и о иных же Святых Местех, и видя-де они то, что не мочно тех дел там докончати, приехали в Царьгород и многажды с латыни и иными роды в царском диване

⁴⁴ Греческие дела 7142 г. № 2.

⁴⁵ Греческие дела 7142 г. № 7.

⁴⁶ Греческие дела 7142 г. № 6.

судились, а то-де и государевы первые послы – Афонасий Прончищев да дьяк Тихон Бормосов и другие послы – Яков Дашков да дьяк Матвей Сомов, видели. И Мурат-салтан посылал в Иерусалим людей своих, и велел ключи святой Пещеры у врагов их взять и привести в Царьгород; [С. 73] и теде ключи в Царьгород привезены и отданы ему, патриарху, в руки, и во всем-де они врагов своих одолели. А учинились-де в Иерусалиме и в Царьграде им в том многие и великие протори и убытки, а помогали-де им в те протори христиане, которые там живут, кто ж по своей силе. Да они ж-де заняли для тех же дел 25 000 рублей у иноплеменных иудеев в великие росты, а заплатить-де им того долгу нечем, и для того послал он, патриарх, к государю бити челом о освобождении Гроба Господня и Святой Пещеры и иных Святых Мест для милостыни архимандрита Кирилла... И государь бы пожаловал к тем Святым Местом велел дати милостыню, чтоб им освободиться от долгу, и был бы в тех местах новый соорудитель, яко же св. царь Константин и мати его царица Елена, которые те Святые Места сооружали». О том же Феофан писал и к Филарету Никитичу, но его уже не было в живых. Государь указал послать Феофану с архимандритом Кириллом милостыни на 150 руб., да на освобождение Гроба Господня соболями на 1000 руб.⁴⁷

В начале того же 1635 года воротились в Москву царские послы из Турции Иван Коробьин и дьяк Семен Матвеев и привезли с собою грамоту Феофана к государю, писанную 1 ноября 1634 года, в которой Феофан подробно рассказывает о последних событиях в Иерусалиме. «Воздаем ведомо, – пишет он, – державному твоему царствию: в то время как имели многие нужи и обиды от неверных латын, которые хотели насильством отнять Святой Гроб и Вифлеем, как есми писали преже сего с архимандритом Кириллом с товарищи, и вам о том есть [С. 74] ведомо, что есми и проторились проторми великими и несметными, и посем святой Бог послал помощь Свою и осилили есмя их опять и взяли ключи Святаго Гроба и Вифлиема. И посем, пришед небольшое время, нашла иная беда и нужда от армен-еретиков, и те арменя обнищали в щете своем, и потеряли пасхалью свою и разговелися в Фомину неделю. И то ведаючи еретики преже того от позору и не имеют, что делати, и затворили Святой Гроб силою иноплеменных, и не пропустили православных христиан по старому закону сотворити во святую и Великую субботу сподобитися и видети свет Господень. И в те поры было слезолития от православных христиан, только праведный Бог, что любит всегда правду, милости не оставил на многое время, и помилова раб своих, уповающих на него. И так иноплеменные берегли со оружием с надворья, а двери были запечатаны, а хрестьяны отгонены от церкви стояли в скорби со слезами, и в тот час учинилось яко некий глас и земное трясение, а святой огонь явися от щелей кровли Святаго Гроба и осветил всю церковь и врагов ослепил, и людие иноплеменные берегли и водою заливали, чтоб огонь не выходил, и не возмогли учинити ничего, а выходил огонь трижды. Только одна жена старая прилучилася близко, и свечи имела в руках, и те свечи загорелися собою. И в те поры враги хотели тое жену убить и у них великая помешка учинилася меж собою. И в те поры христиане с радостью и со слезами к Богу возопияли: Господи, помилуй! а иноплеменные и еретики, которые православных христиан прочь от церкви отгоняли саблями и ослопы, все ослеплены быша. И потом видячи арменя, что Господь яви святой огонь, и они, покрываючи позор свой, [С. 75] роздавали деньги мешками иноплеменным, чтоб никто в понос не сказывал, что святой огонь явися, яко ж иудеи хотели дарми утаити воскресение Христово. Тем же державный и боговенчаный царю, никто же возможе рассказать вся истину, яко ж они свидетельствуют, которые были на поклонение и те все сказываются христиане, и мы возрадовались. И арменя, помнячи таковой меж собою срам, учили сердитовати и не имели, что иное сделать, только мздою над нами злополучают, и учили искушати всю анатолейскую страну и по всему Черному морю церкви христианские позатворили и поколебали, и бед и пакостей неизреченно чинили всем православным Христианом, что весь свет

⁴⁷ Греческие дела 7143 г. № 1.

вострепетал от их дел». Затем рассказывает, что армяне явились в Адрианополь к султану со многими дарами, чтобы отнять у греков Святой Гроб, но султан, обо всем расспросив, отказал армянам, а велел по-прежнему владеть православным, «и отдали нам ключи и всю власть». Но армяне не успокоились. Прибыв вместе с султаном в Константинополь, заручились здесь благоволением Абаза-паши, «собрались на царский двор и воскликнули велиим гласом, а хотят прежней суд пересудити». Султан потребовал патриархов Цареградского и Иерусалимского, «и снова суд был и распрос царской был». Султан повелел «казнити двух попов армейских, и они отошли с срамотою и со страхом», а греки получили султанские грамоты на владение. «И нам, – замечает Феофан, – протори великие сталися и одолжали есмя великим долгом для ради православной веры»⁴⁸.

Отправивши свою грамоту к государю, писанную 1 ноября 1634 года, с царскими послами, Феофан [С. 76] почти сейчас же посылает государю вторую грамоту от 25 ноября того же 1634 года с греком Иваном Петровым, сделавшимся тайным русским политическим агентом. В этой грамоте Феофан прежде всего сообщает государю разные политические вести. «Буди ведомо многолетний царю, – пишет он, – что делалось в здешней стране о Литовском царстве походе: пошел царь-салтан Мурат в Ядринской город и там собрал и изготовил войско, и с войсками послал Мурат-пашу, и приказал ему быти над войском первым человеком. И переехал Дунай на волоской рубеж, был готов на поляков, только ждал вести от царствия твоего по вашему слову, что есте имели между собою. И ему пришла весть, что есте помирились с Литвою, и он, тому не поверя и хотя проведать подлинно, посылал от себя в Литву Шаиспашу за посла место, и там ему сказали, что есте помирились. И они тож у царя просили, чтоб турецкой царь с ними помирился и велел войску воротиться в Царьград. И в тож время приехали послы царствия вашего, Иван Гаврилович да Сергей Матвеевич, и с приезде царь велел принять добре честно. А как после проведали подлинно, что есте помирились с Литвою, и царь то поставил в великую кручину, что есте не поддержали на слове, что вы, великие государи, имели, и так произволил послов царствия вашего из Царя-города отпустить на корабле вскоре ноября 1-го; 5 число и выехали послы царствия вашего, постояв на губе за погодую. И после пришла весть с Кафы, будто ходили многиа казаки и билися и хотели Азов взять. И слыша то, царь раскручинился гораздо, и для того будут имети послы царствия вашего боязнь, покамест проедут Азов. А zde безпрестанно [С. 77] царь готовил войско на персидскаго на весну, а того подлинно не ведаем: сам ли пойдет или нет. А с Литвою турецкой царь помирился, только того не ведомо, на сколько лет. А здесь царь владеет, и страх великий объявляет и лихие люди не имеют силы и не смеют делати никакого зла и во всем Царегороде смирно. Сам царь, переменя свое платье, ходит по всему Царюгороду и досматривает и мучит лихих супротивников». Сообщив политические вести, Феофан переходит к рассказу о своей борьбе с армянами из-за Святых Мест, причем почти буквально повторяет все то, что уже ранее он писал государю в грамоте, присланной с царскими послами. Свой рассказ Феофан заканчивает заявлением, что борьба с армянами «стала нам больши пятидесять тысяч ефимков, и от того мы, нищие, не имели, где голову приклонити, только поспешила милостина великаго твоего царствия, и тем есми искупились и обрели освобождение, яко есми нищие, и бедные, и беспомощные, и молим Господа Бога день и ночь о многолетнем здравии державнаго твоего царствия». Затем говорит, что, когда узнали о смерти Филарета Никитича, «о том вельми оскорбились все малые и великие христиане, потому что едино солнце светлое от роду христианскаго и столп милостивый зайде». В заключение патриарх просит государя: «Да пожалуешь произволишь бояром и князем царствия твоего, чтоб воздали милостьню к Гробу Господню всякой по силе для ради любви и веры Христовой, чтоб нам оплатится от того великаго долгу и да возрадуотца

⁴⁸ Греческие дела 7142 г. № 6.

православные христиане». Феофану послано было с греком Иваном Петровым соболями на 150 руб.⁴⁹

[С. 78] В 1636 году в Москву прибыли посланные Иерусалимского патриарха: игумен Паисий, будущий патриарх, и грек Иван Петров. С игуменом Паисием от 1 декабря 1635 года Феофан писал царю, благодаря его за присланную с греком Иваном Петровым милостыню, «чтобы государь не оставлял его своею милостью и впредь», «а беды наши иерусалимские не как цареградские (Константинопольскому патриарху было послано с греком Иваном Петровым соболей на 250 руб., а Феофану только на 150 руб., на какую разницу в посылке милостыни он теперь и намекает), что имели от еретиков армян и от латын, мы их ничем не замаем, только они нас избегают денежною силою и хотят отнять Святой Гроб. И о том обо всем писали есми к тебе государю с твоими государевы послы и с нашим архимандритом Кириллом, что се учинилась у нас с латынями и с арменами и пострадали от них, и благодатию Божиею одолели мы их, только нам долгу получилось, и того ради посылали есми нашего архимандрита Кирилла к царствию твоему, имеючи надежду получить великую помощь от обиды еретиков. Они похваляются своими, а мы похваляемся царствием твоим. И как был наш архимандрит у твоего царского величества, и было не время и милостыни ему не сотворили (?) и к нам не прислали своего царского жалованья⁵⁰, а архимандрит еще и по ся место не бывал и имеем великую кручину... А ныне опять посылаем священноинока игумена Паисия», чтоб иметь силу противиться [С. 79] еретикам Церкви Христовой. С греком Иван Петровым Феофан писал государю, «что которое жалованье четыре сорока соболей на 150 руб., послано было к нему с тем греченином Иван Петровым, и то до него дошло, и чтоб государю пожаловати его и впредь к нему послати своего жалованья милостыни, как ему Бог известит. Да к нему же бы прислати к Гробу Господню на поминок 1200 ефимков, что заняли в Царегороде государевы послы Яков Дашков да дьяк Матвей Сомов у греченина у Осипа Зиновьева, и те ефимки ему не заплачены и он себя сам для того с кручины убил и по нем бы то прислати на помин». По произведенному розыску оказалось, что греку Осипу действительно недоплачено до 600 руб., каковые немедленно и были посланы Феофану вместе с царскою грамотою и милостынею при ней соболями на 150 руб.⁵¹

От 15 июня 1636 года Феофан писал государю: «Буди ведомо, тихомирный царю, что честную и святую вашу грамоту приняли с радостью и с веселием от нашего игумена господина Паисия и от Ивана Петрова. Да они ж привезли мне восемь сороков соболей Иосифа Зиновьева, а у меня того Осипа живет здесь племянник его. А игумен Паисий да Иван Петров поехали в Царьгород покупать товару, что есте приказали им, а как возвратятся оттоле, а мы их пошлем, как к нам писано от царствия вашего, и тогда отпишем обо всем»⁵².

3 ноября 1636 года приехал в Путивль игумен Паисий и объявил, что он послан в Москву к государю от Иерусалимского патриарха Феофана нарочно «с листы и с дары» о царском деле против [С. 80] прежних государевых грамот, каковы были посланы ему из Москвы. 3 декабря он прибыл в Москву и подвергся здесь обычному допросу в Посольском приказе относительно разных вестей. В грамоте государю, привезенной Паисием, Феофан просит и ходатайствует за некоторых бедных гречан, разоренных турками. Прислал Феофан особую грамоту и патриарху Иоасафу, в которой он описывает положение дел в Иерусалиме. «Наша Иерусалимская Церковь, – пишет Феофан, – всегда от еретиков армен и от иных всяких народов имеет обиды для ради поклоняемаго и святаго места, ибо Ветхий и Новый Завет отуда исшел во всю вселенную и Христова всякая тайна там есть, и сего ради все народы приезжают туда для покло-

⁴⁹ Греческие дела 7143 г. № 7.

⁵⁰ Это заявление Феофана, что с архимандритом Кириллом «милостыни ему не прислали... и царского жалованья» является несколько странным, так как с Кириллом было послано к Феофану на 1150 руб., т. е. на наши деньги более 16 000 руб.

⁵¹ Греческие дела 7144 г. № 9.

⁵² Греческие дела 7144 г. № 19.

нения и все любят те места. Только недруги благочестивых христиан ненавидят, и денежною силою, при нынешних агарянех-турках, добиваются того места из наших рук и всеми святыми поклонными местами они хотят завладеть. И всегда многожды терпели есмы от еретиков, и про то наше терпение царю ведомо, что есми преж сего писали к державному и ко благочестивому государю и великому князю царю Михаилу Феодоровичу всея Руси, и про ту нашу тесноту всегда и святительству твоему ведомо ж, и силы и помощи просили от великаго и превысочайшаго государя царя, чтоб над еретиками и недруги наша благочестивые и православные христианские веры иметь верх, и было б, чем даже еретиков утолить, чтоб православный род в срамоту и позор и бедствие не ввести. И сего ради докучаем и прибегаем к страннолюбивым и православным Христианом помощи ради, чтоб нам возможно было беречь то святое и честное место от сопротивных, [С. 81] и посылали есмя нашего архимандрита Кирилла с братиею к превысочайшему и великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси для помощи, что имели нужду велию и споры с еретиками. Дай Господи, чтоб государь царь и великий князь Михаил Феодорович вся Руси здрав был на многия лета и милостина его не отстала от нас всегда! А в те поры еще была надобна такова великаго государя царя помощь для святого и живодавнаго Гроба и для святого Вифлеема, где родился владыка Христос для спасения мира. А мы всегда во имя царствия его похваляемся и утверждаемся и на недругов еретиков возмогаемся и побеждаем их. И ныне паки посылаем игумена кир Паисия с келарем кир Даниилом, роду московскаго, понеже бо они приезжают службою царскою, как им было приказано приехать. И сего ради молимся пресвятительству твоему, да попечалуешься боговенчанному самодержавному царю, яко да сотворит помощь ко святому и живодавному Гробу от бесчисленнаго долгу, что имеем до днесь». Указом государя от 7 января 1637 г. велено послать Феофану за присланные им подарки (четыре объяри по серебрянной земле) четыре сорока соболей на 150 руб., и 11 января игумен Паисий был отпущен из Москвы⁵³.

15 декабря 1637 года в Москву прибыли греки Роман Савельев и Исаия Николаев, и привезли с собою грамоту к государю от патриарха Феофана, который писал: «Пишем и объявляем, что деетца в Цареграде и о том у нас бывает великий страх, о том бо есть и вам ведомо, только наша великая любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что [С. 82] имеете к нам, понуждает нас писати и объявляти. Буди ведомо, что прежний крымской царь как поднялся с великим войском на Кантемира, а сказывают, что было с ним 180 тысяч ратных людей, и в то время был у них бой и Кантемир побегал с детьми в Царьгород, а брат его и сродичи поклонились крымскому царю, и в Кантемирово место посадил крымский царь своего брата и отшел оттоле прочь. И не во многие дни убил Кантемиров брат крымскаго царя брата и двух его сродичей, и в те поры у крымскаго царя силы не стало, потому что были в разъезде. А турской царь как услышал, что поднялся с такою великою силою, и еще слух был, будтося с ним 10 000 казаков, и оттого добре утрашился, чтобы не переехали чрез Дунай до Едринна города, и собрал великое войско и послал их Едринскому городу на сбереженье, и в те поры вскоре послал инаго царя с каторгами в Крым. И как Кантемир приехал в Царьгород к царю и царь-де его сперва пожаловал; и после того, месяц спустя, опалился на него и казнил сына его, а самого посадил в тюрьму. И прежней крымской царь, видя, что брата его казнил Кантемиров брат, а в его место пришел иной царь, пошел и сам в Царьгород, надеяся пощады у царя. И в те поры как приехал в Царьгород, призвал его царь и распрошал, а распрося его, велел удавить июня в 26 день. И в те дни пришли вести, что донские казаки Азов взяли, и о том турской царь добре поскорбел и роскручинился: и в те поры говорил турской царь, что будто твоим царским повелением казаки Азов взяли, и велел крымскому царю идти воевати твою царскую землю. И для сего извещаем и пишем, а которой [С. 83] вам привезет сию грамоту, и тот вам будет

⁵³ 7145 г. № 5.

сказывати изуст все сполна». (Грамота писана 1 июля 1637 года и в Москву попала, значит, довольно поздно.)

10 августа 1638 года прибыл в Москву грек Дмитрий Филиппов и привез грамоту Феофана к государю, писанную еще 29 сентября 1637 года. В ней Феофан пишет: «Писали есмы преж сего о здешних вестях и нынече пишем с некоторыми хрестьяны с господином Порфирьем Офонасьевым, да с господином Дмитрием Филипповым, которые приедут к царствию твоему, и те есть люди наши добрые, и они будут сказать обо всем наизусть о здешнем царстве вестей: что турской царь хотел ехать Кизыл-башскую землю воевать, – так славитца здесь, а подлинно неведомо, только велели татарам итти воевать Украину царствия твоего, и Украину б царствия твоего оберегал великим береженьем. А которые нам быти невозможно писати к царствию твоему, и те вести будут сказати те хрестияне царствию твоему наизусть, и еще что они ведают, а после того, что здесь объявитца в царстве нашем, и мы будем про то писати к царствию твоему». Затем Феофан переходит к рассказу о своих иерусалимских делах. «А что имели мы недружбу, – пишет он, – с еретиками с арменами о святых местех для Святаго Гроба Господня и для святаго Вифлеема, слышал царствие твое преж сего». Когда он находился по делам Святаго Гроба в Молдовлахии, «немцы посулили Байрам-паше и иным начальником тайно сто тысяч ефимков, и турской царь, не ведаючи их неправды, дал им наказ, чтоб им отнять у нас ево жалованную грамоту, которая была нам дана. И как мы услышали [С. 84] про то, и мы ждали времени, как царю выход будет, и был царю выход в Воздвижение день, и я послал к нему бити челом пять старцев с челобитною, и ту нашу челобитную смотрел турской царь сам и послал тотчас капычейскаго голову к каймакану к Магмет-паше, чтоб он пришел к царю тотчас. И в те поры турской царь нас пожаловал, велел по-прежнему дати свою жалованную грамоту, и ту грамоту написав, велел положить пред себя, и ту грамоту нам отдал и послал своего человека с моими старцы в Иерусалим и отняли у тех еретиков все, что было отняли они у нас. Так пребываем мы здесь, всегда недружбу имеем с еретиками в Иерусалиме, и всегда убытки и долги от нас не отставают, только ныне нам немного убытков стало, потому что турскому царю ничего не дали».

10 августа 1638 года Феофан пишет государю: «Пишем и извещаем, благочестивейший царь и великий князь Михаил Феодорович всея России, о том, что писал есмя, как турский царь на самый свой праздник, февраля в 7 день, велел удавить брата своего, а ныне пишем, что преже того, как пошел турской царь в Кизылбашу, марта в 1 день, и после себя велел задавить двух братьев своих, чтоб их не посадили на ево место. А сказывают, что еще у него остался меньшей брат, – а своих детей у него не было, один сын и тот умер»⁵⁴.

С греком Иваном Петровым Феофан писал государю 20 сентября 1638 года, извещая его о насильственной смерти Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса. Он так описывает смерть знаменитого константинопольского первосвятителя: «Старога патриарха Кирилла поклепали и огласили визирю Байрам-паше, будто он изменник. И тот визирь, Байрам-паша, будучи советник веррийскому митрополиту Кириллу (известному врагу Лукариса и претенденту на Константинопольский патриарший престол), донес турскому царю, и турской царь дал им наказную грамоту к каймакану. И как они ту наказную грамоту принесли во Царьгород и взяли потом патриарха старога и засадили его на беломорской башне. И после того не во многие дни предали его смерти и вкинули его в море, а море его на берег выкинуло. И некие православные хрестияне, сыскав тело его, похоронили, а бывшаго веррийскаго митрополита Кирилла советники его насильством на патриаршестве посадили. А мы были в те поры в Брусегороде для дела Святаго Живодавцева Гроба, а Александрийский патриарх Митрофан был в те поры здесь, и он, видя такую его напрасную смерть, тому удивился. И тот бывший веррийский митрополит прислал по нас, чтоб нам с ним вместе служить, и мы не хотели с ним служить, и он

⁵⁴ Греческие дела 7146 г. № 5 и 9.

учал на нас грозиться нечестивыми агаряны». Затем Феофан переходит к сообщению разных политических вестей. «И в те дни вскоре пришли вести, – пишет он, – что Байрам-паши не стало, а о том нам не ведомо, своею ли смертью или от царя умер. А царь-салтан Мурат ныне воюет пред Богдатом, а сказывают, будто он возмет Богдат, а подлинно не ведомо для того, что ныне зачинаетца война вначале. И еще буди ведомо царствию твоему, что венецейскаго агента в великом береженье держать для того, что ходили 18 каторг барбарейских под венецейскую землю и разорили многия села, а побрали живьем полону 6 тысяч [С. 86] и большии; и как проведали венецейские каторги малые и большие, и они за ними гонялись до города Авлона, и отбили у них под Авлоном городом полон свой и каторги у них взяли. А из города по них из наряду стреляли и венецейские люди, напротив, по городу стреляли и городовую стену попортили и прочь отъехали. И после, их люди барбарейские, приехав в Царьгород, и били челом на венецейских немец и по их челобитью писали к царю. И как услышал турецкой царь зело роскручинился о том, что они по городу стреляли и городовую стену порозбили, а каторги побрали, потому что они имели между собою записи от прежних царей в том, буде поймут барбарейских людей за рубежем, и им было вольно их казнить и в полон имати, таже и барбарейским людям над венецейскими. А о том нам подлинно проведати невозможно, как турецкой царь сам приедет и о которых нам вестях писать невозможно, и о тех будет рассказывать наизусть Иван Петров. – И аще произволит ведати царствие твое о Святом Гробе и о Вифлиеме – и Вифлионом турецкой царь всем нас пожаловал»⁵⁵.

4 апреля 1641 года Феофан писал государю с греком Фомой Ивановым: «Аз еще пребываю в Цареграде для неких дел, что имеем для Святаго Живодавцова Гроба, и объявился нам от вас частный господин Фома и сказал нам о многолетнем здравии великаго вашего царствия, и мы возрадовались есми зело. И посем сказал есми, что он хочет ехать к вашему царствию о многих нуждах и делех объявити великому вашему царствию, и написали есми [С. 87] сию грамоту, а о множестве писати не можно, а расскажет он изустно, что он видел, и мы ему наказывали о всем. Еще некий архимандрит Амфилохий, что имел я его прежде сего у Святаго Гроба, и он, от меня сбежав, пристал к прежнему патриарху Кириллу (Лукарису) и посылал его двжды к вашему царствию, а ныне он ни у Цареградскаго патриарха, ни со мною у Святаго Гроба. Еще он пишет и посылает к вам, государю, грамоты от нас обоих патриархов с ложью мною, и ему б не верити, а сказывают, что еще от него пострадал Иван Петров и иные многие и он есть недобрый человек. – Да оберегайте и призирайте ваши дальные украинные места, многие изменники идут до вашей украины до самого Терека, а вы оберегайтесь неоплошно, и ныне о сем пишу»⁵⁶.

13 ноября 1643 года прибыл в Москву бить челом государю о милостыне архимандрит Иерусалимского патриарха Феофана Анфим с патриаршим племянником архидьяконом Неофитом и со старцами. В присланной с архимандритом грамоте Феофан [с. 88] писал государю: «Что они от народов, их держащих, пребывают повседневно в дачах, а только им не учнут давать, и они им не дадут святых, и божественных мест держати. И от еретиков они многие беды приняли, и протори им учинилися многие, и писали-де они к нему государю, бити челом посылали людей своих – архимандрита Кирилла тому лет с десять, и тогда-де им ничево не

⁵⁵ Греческие дела 7147 г. № 7.

⁵⁶ Греческие дела 7149 г. № 12. Оговор Феофаном архимандрита Амфилохия основан на каком-то недоразумении. Амфилохий был одним из самых ревностных и преданных наших тайных политических агентов в Константинополе. Он был доверенным лицом знаменитого Константинопольского патриарха Кирилла Лукариса в его сношениях и с Москвой, и с нашими послами в Турции, не раз приезжал в Москву в качестве доверенного лица от Лукариса с тайными от него наказами к нашему правительству. Он присылал и от себя в Москву очень обстоятельные известия о положении дел в Турции, почему он пользовался особым вниманием и расположением московского правительства, которое правильно посылало ему в Константинополь известные суммы в награду за его усердную службу. Вполне естественно было, что в Москве не поверили оговору Феофана, так что и после этого Амфилохий по-прежнему пользовался полным доверием нашего правительства, на службе которого он и оставался до самой своей смерти, последовавшей уже в 1663 году.

дано (?), и окупил-де их молдавские земли князь Василей, прислал к ним 45 000 ефимков. Да аще они окупилися, токмо Святым Местам надобна милостина и помощь от великие державы царскаго величества. Сего ради посылает он своего архимандрита Анфима с иными, и молит и просит у государя, чтоб его царскому величеству их восприяти и возрить милосердно для любви и Святаго Живодавцова Гроба Господня, подати ему мил остину, как ему, государю, Бог известит. И еще имеют они о святом Вифлеоме долгу 20 000 ефимков, а старое строение от древних лет – стены попортились и кровли их погнили, а чтоб им от царского величества помощь и обновление видети, и вечное воспоминание будет царствию его. И чтоб государь позволил архимандриту его со иными попросить помощи у бояр и у князей, и у архиереев, и у архимандритов, и у прочих в миру пребывающих в державе царскаго величества». В другой грамоте Феофан писал царице Евдокии Лукьяновне, которую он также молит о помощи и милостыне Святому Гробу. Кроме того, с архимандритом Анфимом Феофан прислал святыни государю: мощи великомученика Пантелеймона, ладан черный иерусалимский, 4 свечи да 3 меры Гроба Господня, воду освященную иорданскую, перст от Вифлеема и от иных [С. 89] святых мест спущено со святою водою иорданскою, мыла иерусалимского 20 печатей; государыне он прислал часть мощей св. великомученика Кирика, ладан иерусалимский и пр.

Архимандрит Анфим обычно представлялся государю и получил обычную для архимандритов милостыню: камку смирную добрую, сорок соболей в 30 руб. и денег 30 руб., а племянник Феофана архидьякон Неофит: камку смирную добрую, сорок соболей в 20 руб. и денег 15 руб. После представления Анфим бил челом государю от имени Феофана и своего, чтоб государь велел написать в Иерусалим ко Гробу Господню десять образов местных больших и те иконы обложить серебром, да патриарху сделать святительскую шапку, ибо прежняя его шапка сгорела в Царьграде во время пожара. По государеву указу десять образов местных больших, по размеру, указанному Анфимом, написаны и серебром обложены из его государевой казны басменные с окладом, а венцы у образов чеканные и резные. Образа же написаны: Спаса на престоле – длина доски 2 аршина 5 вершков, ширина 2 аршина без 3 вершков; Пречистые Богородицы Одигитрии – одной меры с предыдущим; Воскресения Христова – длина доски 2 аршина полшесть вершков, ширина один аршин 5 вершков; Архангела Михаила мерою, как и Воскресения; царя Константина и матери его Елены – длина 2 аршина полшесть вершков, ширина один аршин 6 вершков; св. апостола Иакова, брата Господня, – одной меры с предыдущим. Местные образа к царским дверям по обе их стороны: Спаса Вседержителя на престоле во архиерейской одежде; Пречистыя Богородицы Страстные со архангелы; Иоанна Предтечи; [С. 90] царя Константина и матери его Елены – все эти иконы одной меры – по 2 аршина без полудва вершка длины и по одному аршину 4 вершка ширины. На все иконы из государевой казны было затрачено всего 637 руб. 28 алтын 3 деньги. Кроме того, патриарху сделана была святительская шапка: дробницы все золотые с чернью и финифтью и с камнями— с яхонтами, с лалами и с изумрудами, и жемчугом обнизана. Цена той святительской шапке и с влагищем 880 руб. 29 алтын⁵⁷. В новой челобитной государю Анфим [С. 91] заявлял, «что писал

⁵⁷ «На оклад на те иконы пошло ефимочнаго серебра, которое взято из сибирскаго приказу пуд 8 гривенок и 25 золотников, цена по 7 рублей фунт, итого 337 рублей 27 алтын 3 деньги. Да на тот же оклад пошло листового золота 7300 листов, цена по 9 рублей, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча, итого 71 руб. 6 денег. Да на венцы и на подписи взято из казны 44 золотых, по рублю золотой, итого 44 рубли. Да серебряным мастерам от того иконнаго окладу от дела дано 65 рублей. Всего на иконной оклад изошло 517 рублей, 28 алтын, 3 деньги, опричь того, что дано от письма иконописцам, а с тем 637 рублей, 28 алтын, 3 деньги». Сделана святительская шапка. «В тое шапку золота пошло и с угаром 2 фунта, 82 золотника с ползолотником, цена по 40 алтын золотой. Да в тое ж шапку поставлено камня, а взято из мастерские палаты: 2 яхонта лазоревых сережных, цена 70 рублей, и те яхонты растерты на два и сделано четыре яхонта и огранены, да четыре яхонта лазоревых в гнездах, золотых, цена по 8 рублей яхонт; да из приказу золотого дела взято: яхонт червчатой в гнезде золотом, цена 6 сережный 18 рублей; 5 яхонтов червчатых по 20 алтын яхонт; 20 искорок изумрудных, цена 5 алтын по 2 деньги искорка; 8 яхонтиков червчатых, по полтине камешек. Да в тое ж шапку поставлено на дробницы палини 44 зерна бурминских, по рублю зерно; да на обнизку около дробниц пошло жемчугу 51 золотник с четью, цена по 4 рубли золотник. В тое ж шапку пошло аршин атласу, цена 30 алтын, поларшина камки вишневоы, цена 15 алтын; 2 аршина тафты лазоревой на рубль на 13 алтын 2 деньги; поларшина

к нему, государю, надеясь на его царскую неизреченную премногую милость, Иерусалимский патриарх свою святительскую грамоту о милостыне, чтоб ему, будучи в таком святом месте – в граде Иерусалиме, от еретиков и от агарян было чем окупиться, и от того святого места не отженутися и веры христианские не порушить. А преж сего в Иерусалим-град была его государская неизреченная милость – давано им на милостыну и от агарян на окупление». Ввиду этого, согласно просительной грамоте и самого Феофана, архимандрит Анфим и просит государя, чтобы он «о милостыне велел свой государев указ учинить, как ему Бог известит». По указу государя архимандриту Анфиму вручены были приготовленные для патриарха Феофана 10 икон, святительская шапка и пять сороков соболей на 200 рублей, и затем повелевалось отпустить его из Москвы⁵⁸.

В феврале 1645 года в Москву явился с грамотою Феофана грек Фома Иванов. В присланной грамоте Феофан рекомендует государю грека Фому Иванова как верного слугу и радателя царского и пишет, «что приказали есмя тайно объявити из уст о подлинной истине – о лукавом воинстве, что хотят воевать ко святому Господню стаду», заявляет, что чего было невозможно ему «писати и объявити подлинно», то он поручил устно передать посланному им Фоме Иванову. Это была последняя грамота в Москву патриарха Феофана. Привезший ее грек Фома [С. 92] Иванов заявил в Посольском приказе, «что Иерусалимский патриарх Феофан дал ему к великому государю грамоту декабря в 10 день, а приезжал Иерусалимский патриарх во Царьград к турецкому Ибрагим-султану для обновления грамот и грамоты у него обновил, а стало-де ему за обновление 9000 ефимков. А как он, Фома, из Царяграда поехал, декабря в 11 день, и после того пришла весть из Царьграда в молдавскую землю, что того Иерусалимского патриарха Феофана в Цареграде не стало, а представился он декабря в 15 день, и о том-де, чаю, писал ко государю Александрийский патриарх (Александрийский патриарх Никифор действительно извещал государя о смерти Феофана), а кому-де быть во Иерусалиме патриархом на Феофаново место, про то-де еще не ведомо. А приказ-де от Иерусалимского патриарха Феофана был нынешнему Цареградскому патриарху Парфению, да молдавскому владетелю и воеводе Василию, чтоб они после его, Феофановой, смерти учинили Собор, собрав многих властей, и с Собору бо выбрали на его место в патриархи духовнаго чину добраго пастыря».

Скоро получены были в Москве известия и от других лиц, подтвердившие сказанное о смерти Феофана греком Фомою Ивановым. Так, тайный русский политический агент в Константинополе, халкидонский митрополит Даниил, извещал государя, что Феофан представился в Константинополе 15 декабря 1644 г., «а в 16 день погребли его в халкиданской области в Богородицком монастыре, возле Иеремия-патриарха». Иерусалимский архидиакон Макарий, извещая государя о смерти Феофана, делает такое курьезное замечание: «Иного еще не поставили, а надеемся [С. 93] поставить в патриархи митрополита Симона⁵⁹, что приехал к вам от вашего царствия с грамотою. Мы послали грамоты в Иерусалим (из Константинополя) к нему, буде он захочет быть патриархом, но к нам еще вестей от него не бывало». Вифлеемский митрополит Афанасий со своей стороны писал государю: «Услыша молдавский воевода господин Василий про смерть блаженнаго патриарха, повелел изобрати из вотчин Святаго Гроба из монастырей строенья Петра-воеводы и бурновскаго воеводы игуменов, а изобраз, поставити властью и послати в Иерусалим. А мы, – добавляет Афанасий, – на ево Васильево повеленье

сукна темно-вишневаго на один рубль, 6 алтын, 4 деньги; 2 аршина киндяку лазореваго на 6 алтын 4 деньги; 8 горностаев по 2 алтына с деньгою горностаей; да на оболочку лагалища пошло 2 сафьяна зеленых, цена рубль, 6 алтын, 4 деньги; да полтора золотника шолку белаго и лазореваго на 10 денег; поларшина полотна белаго на 6 денег; бумаги хлопчатой круг венца фунт – 3 алтына; да от лагалища и за дерево дано от дела 36 алтын, 2 деньги. И всего той шапке цена 880 рублей, 29 алтын». Шапка и иконы выданы были архимандриту Анфиму из Посольского приказа с распискою (Греческие дела 7162 г. № 3; 7202 г. № 20. Греческие статейные списки № 12, листы не занумерованы).

⁵⁸ Греческие дела 7152 г. № 3.

⁵⁹ Сербский скопийский митрополит Симеон, навсегда поселившийся в России, в 1644 г. ездил из Москвы на поклонение Святым Местам и после был у нас казанским митрополитом.

полагаемся». Наконец, приехавший в Москву грек Исаия Остафьев сообщил, что Василий-воевода и иные избрали в Иерусалимские патриархи архимандрита Паисия, который жил в Яссах, в вотчинах Святаго Гроба⁶⁰.

Феофан не только сам часто обращался в Москву с просьбами о милостыне Святому Гробу, но нередко ходатайствовал перед русским правительством и за других просителей милостыни, которые, зная о влиянии и значении Феофана в Москве, старались заручиться его рекомендацией, благодаря которой они встречали в Москве радушный прием и получали достаточную милостыню.

Особенным расположением Феофана, исключая собственно палестинские монастыри, пользовалась прежде всего знаменитая Синайская обитель, которую он считал принадлежащей к его патриархату и за которую он не раз ходатайствовал перед русским правительством.

[С. 94] В первый раз синаиты обращались в Москву с просьбой о милостыне еще в 1519 году при великом князе Василии Иоанновиче, который очень радушно принял прибывших в Москву двух синайских старцев, посланных игуменом Даниилом, и послал с ними в монастырь милостыню: «шестьсот золотых вещми, собольми и белкою, и зубом рыбьим, и лисицами». Во второй раз синаиты приезжали за милостыней при царе Иоанне Васильевиче в 1558 году с рекомендательной грамотой Александрийского патриарха Иоакима, знаменитого своим долголетием и святостью жизни. Тогда царь послал в монастырь «рухляди на восемьсот золотых угорских», да синайскому архиепископу «шубу соболью под бархатом». В 1571 году царь послал архиепископу Евгению на помин царицы Анастасии 100 руб., да на помин своего брата 50 руб. с особою грамотой, в которой замечает: «А послали есмя ныне к тебе по них милостыню не сполна для нынешняго путнаго дальняго шествия... а еже даст Господь Бог вперед для вечнаго поминания большую свою милостыню, к вам по них пришлем». Это обещание Грозного исполнил уже сын его Феодор, который послал на Синай милостыни 850 руб., причем грамотой просил архиепископа Евгения устроить две неугасаемые лампы, одну – у неопалимой купины, другую – над мощами великомученицы Екатерины, на что особо послал 54 рубля с тем, «чтоб те кандила (лампамы), покаместа тех денег на масло станет, горели день и ночь непрестанно за наше здравие и нашей царицы и о чадородии нашем в наследие царствия нашего». В то же время царь Феодор дал синаитам свою жалованную грамоту, по которой они без всяких препятствий и задержек могли всегда [С. 95] приезжать в Москву за милостынею. В 1593 году, по случаю учреждения в Москве патриаршества, когда на Восток была послана большая милостыня, Синайская обитель получила 430 золотых. Приезжали синаиты в Москву за милостынею и в 1605 году, так что между Москвою и Синайским монастырем установились вообще определенные добрые отношения, которые, однако, при Феофане подверглись раз опасности нарушиться.

В 1623 году в Москву приехал за милостынею так называемый в тогдашних приказных делах «синайский митрополит Иеремия» с просительною грамотой к государю о милостыне от всей братии Синайской горы и всего Собора Палестины и с рекомендательною грамотой патриарха Феофана. Последний писал государю: «Ведомо буди, самодержавный царю, что род наш обладай бысть агарянскими языки, многую нужду терпит и труды для православной веры; и святые монастыри здесь имеют и терпят великую нужду и харчи великие чинят. Да большии иных всех монастырей терпит Синайская Богоявленская, и не имеет нигде главы приклонити, и прибегнути, и милости обрящити. Прибегают к тебе, милостивому, к милосердному царю, потому что ведаем царствие твое и потому послали есмя сего преосвященнаго митрополита, брата и сослужбника смирения своего, господина Иеремия, что бывал преж сего в Радосеграде, мужа верна и любезна святые горы Синайские, послан бысть от епископа боголюбиваго и от всего Собора к тебе, государю, для милостыни и помощи. О том молим к тебе, государю, да

⁶⁰ 7153 г. № 21, 30, 36; 7154 г. № 6.

приимешь его». В грамоте к Филарету Никитичу Феофан также рекомендовал Иеремию и просил патриарха, чтобы он со своей стороны ходатайствовал [С. 96] перед государем о неоставлении милостыней бедствующего Синайского монастыря.

Благодаря рекомендации Феофана Иеремия был принят Филаретом Никитичем с особой честью и одарен им щедрее, чем другие греческие митрополиты, бывшие тогда в Москве. Поощренный этим первым успехом, Иеремия, конечно, в видах получить еще большее, подал Филарету Никитичу любопытную челобитную, в которой говорится следующее: «Молим Богу и весь порабощенный род греческой, чтобы нам сподобил Бог видеть на Вселенском Константинопольском престоле царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца, да и мы обрящем покой и легкость». Затем, благодаря патриарха за милостыню ему, митрополиту, просит ему пожаловать еще три образа, «да отвезу их к трем патриархам: Константинопольскому, Александрийскому и Иерусалимскому, занеже путное наше шествие будет мимо их, и им буду рассказывать, что те иконы я на них выпросил». Далее Иеремия повествует в челобитной: «Да в месяце октябре в сновидении видел я, смиренный грешник: явился мне святой Сергей, как бы я с ним был на горе Хориве, ид еже видяше Илия пророк Божие видение, и рек ми и указуя пещеру: тут-де был Стефан-чудотворец, занеже тут пустынничал. И аз грешный и недостойный не возмог есми с святителем поговорити (здесь Иеремия сильно ошибся: он, очевидно, не позаботился навести более точные справки о прп. Сергии и потому неудачно назвал его святителем), зряще величество его и страшное зрение, только пал на землю безгласен. По сем молю много-много для любви Христовой и для любви [С. 97] святительевой, отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергию, да ми простит согрешение мое, а большая мзда да будет на святительстве твоём». Очевидно, Иеремия был ловкий бывалый человек, смело пускавший в ход все средства для своей наживы. Испрашивая иконы для поднесения восточным патриархам, он основательно рассчитывал, что эти иконы должны быть, как царский подарок, очень ценны, так что от продажи их он может выручить себе порядочную сумму. Его рассказ о видении ему прп. Сергия был рассчитан на то, что ради этого обстоятельства богатый Троице-Сергиев монастырь, куда он отправлялся, окажет ему особую щедрость, так как сам прп. Сергей явил к нему небывалую относительно греков милость – удостоил его, еще на Синае, своего видения.

Все это так смело и, по-видимому, удачно веденное Иеремией дело совершенно неожиданно рушилось. На него последовал донос со стороны сопровождавших его синаитов, архидиакона Неофита и старца келаря Паисия, которые заявили, что Иеремия патриаршим Собором был лишен митрополитства и ему запрещено служить, что после запрещения он был в Риме, служил с папою, целовал его в ногу и вообще отпал от Православия, но потом вернулся из Рима в Синайскую обитель, которой он был постриженником, и слезно просил архиепископа и братию снова принять его в монастырь. В надежде на его раскаяние и исправление его приняли и потом послали в Россию, придав к нему их, старцев, для наблюдения за ним. Дорогою они собирали милостыню, но Иеремия скрывал ее от них и обращал в свою пользу. Получив в Москве милостыню, он не хочет теперь возвращаться [С. 98] в монастырь и задумал убить их в литовской земле. Поэтому они просят отпустить их из Москвы отдельно от митрополита и отобрать у него все принадлежащее монастырю.

Донос должен был произвести сильное и удручающее впечатление на царя и патриарха. Митрополит, которого патриарх Феофан называл своим сослужбником, мужем верным и любезным, которого ради этой рекомендации Феофана приняли в Москве с особой честью, который, конечно, за свою добродетельную и святую жизнь, удостоился будто бы видения прп. Сергия, в действительности оказывается лишенным сана папешником, каким-то пройдохою. Кому же и чему после этого верить? Пришлось произвести допрос с очными ставками, причем Иеремия заявил, что 19 лет тому назад он был поставлен митрополитом в Родос, но через три года добровольно удалился на Синай, не желая давать трех тысяч золотых Константинополь-

скому патриарху Рафаилу, которые тот просил у него, «а если сыщется, что он от митрополитства отставлен, то он уже не будет у государя и патриарха просить пощады». Затем Иеремия показывал, что из Синая он ездил в Индию, потому что португальская королева Екатерина оставила в Индии для Синайской горы на помин своего мужа 500 золотых, которые он вместе с другою собранною им милостыней привез в Синайский монастырь и затем был послан в Испанию. В Риме он действительно был по следующему случаю: дает-де испанский король в Синайскую гору по 500 золотых, и так как те золотые он не присылал, то Собор синайских старцев послал его и еще четырех старцев с ним в Испанию за теми золотыми. [С. 99] В Испанию они отправились через Рим и были у тогдашнего папы Павла V, но от греческой веры не отставали и с папою он, как его ложно обвиняют, не служил, тем более что папа со властями никогда не служит, а всегда один. Папа писал к королю испанскому о выдаче тех золотых, да и сам послал от себя в Синайскую гору 500 золотых, на что есть у него листы. Были затем они во французской земле, а французский король посылает в Синайскую гору ежегодно 1000 золотых – эти присылки от французского короля начались уже лет двадцать назад. Всего за милостыней он ходил лет с пять. Это совсем неожиданное и очень соблазнительное для русских показание Иеремию о милостыне Синаю со стороны папы и католических королей оспаривалось бывшим тогда в Москве силистрийским митрополитом и обвинителями-синаитами, которые заявляли, что папа и короли испанский и французский в греческую землю ни в какие места никогда ничего не присылали, что от всех греческих патриархов то заклято, чтобы не только от папы, но даже и от всякого простого человека папешской веры милостыни ни одной денги не принимать и ни в чем с ними не сообщаться. Но Иеремия в доказательство справедливости своего показания представил листы: один от папы Римского в Синайскую гору, другой – от английского короля, третий – от испанского. Иеремию поспешили отправить в Константинополь, «чтобы он там очистился от всего пред тамошнюю властью... А в Рим к папе, и в англискую, и во французскую землю ему не ездить; а буде он в те неверные государства поедет, и он будет проклят в сем веце и будущем»⁶¹.

[С. 100] Как сильно смутило и огорчило царя и патриарха дело Иеремию, видно из того, что Филарет Никитич решил писать о нем особую грамоту самому Вселенскому Константинопольскому патриарху с подробным изложением всего прискорбного дела. «Буди ведомо вашему святительству, – пишет он в грамоте, – из давних лет с тех пор, как греческую власть захватили измаильские внуки, обычай имеют приходиться к благочестивым и христолюбивым царям российским, греческой области святейшие патриархи, и митрополиты, и архиепископы и прочие священные иноки милостыни ради и искупления святых мест, захваченных турками, и донныне приходят. Мы таковых принимать привыкли, и дарами и милостынею не только их обогащать, но и святым местам потребное посылать, и тем плачущих и оскорбляемых утешать и, таким образом, почтивши приходящих к нам, отпускали восвояси. Ныне же пришел к нам от святой горы Синайской митрополит Иеремия, объявляя, что прежде был родоссакого острова митрополит, милостыни ради, с ним же вместе и другие пришли. Мы, по обычаю нашему, человеколюбиво приняли их, ибо они принесли с собою грамоты от блаженнаго Феофана, патриарха Иерусалимского, которого, как говорят, встретили в Константинограде. Потом, не знаю какой ради вины, Иеремия начал враждовать с пришедшими с ним, называя их чуждыми христианского звания и жития недостойнаго, истиннаго же свидетельства о том против них привести не мог. Они же, видя его злые поступки, восстали против него и во многом обвинили». Затем он подробно сообщает самые обвинения и произведенные по поводу их допросы⁶².

[С. 101] В 1625 году, 15 сентября, прибыло в Москву новое синайское посольство с архимандритом Малахией во главе, долженствовавшее изгладить то дурное впечатление, какое

⁶¹ Греческие дела 7131 г. № 5.

⁶² 7132 г. № 3.

ранее произвело в Москве посольство митрополита Иеремии. И это посольство привезло с собою рекомендательные грамоты Феофана, которому, впрочем, и необходимо было так или иначе объясниться с московским правительством относительно посольства митрополита Иеремии. Действительно, в грамоте к Филарету Никитичу Феофан пишет: «Прежде сего присылали к вашему святительству из Синайские горы некотораго бывшего родоссаго митрополита и с иными монастырскими людьми, не знаячи его дела и разума, что он за злой свой разум отставлен от патриарха», а теперь посылает верных царских богомольцев архимандрита Малахию с другими старцами, которых просит принять милостиво. «И сего ради пишем, – продолжает Феофан, – что Синайская святая гора под нашею Иерусалимскою областью, и архиепископ того монастыря поставляетца у нас в Иерусалиме, и что есть ныне архиепископ господин Иоасаф писал к нам со всем Собором святого монастыря, моля нас, чтоб мы отписали к великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси и твоему святому великому святительству с молением, чтоб вам их принять милостиво, понеже бо раби и богомольцы ваши истинные, а они от беззаконных арапов многие нужды и харчи терпят». В грамоте государю Феофан просит его милостиво принять посланных от синайского архиепископа Иоасафа и от всего святого Собора от царской обители, которая «создана от царя Устинияна, который воздвиг св. Софию Премудрость Божию». Русское правительство, [С. 102] желая показать, что оно уже забыло дело Иеремии и не придает ему более никакого значения, не только очень радушно приняло новое посольство синаитов, но и одарило его с большею на этот раз щедростью, чем обычно⁶³.

В 1629 году прибыл в Москву за милостынею синайский архимандрит Исаия, с которым Феофан писал государю, чтобы он оказал милость посланным в Москву синаитам, «понеже они с великою нужею и бедностью исправляют святой монастырь сей в пустыне той великой меж многих араплян», которым они платят постоянную дань. В грамоте от 15 июня 1686 года, присланной в Москву с синайским архимандритом Паисием, Феофан пишет государю о синаитах: «Ныне пишем, что приехали отцы святые Синайские горы преподобный архимандрит господин Паисий вместе с келарем Евгением и с товарищи, а едут к святому, и к державному, и превысочайшему твоему царствию милостыни ради. По своему царскому обычаю пожалуеши их, милостивою царю, для святого и царскаго монастыря, а тот монастырь под нашею областью и престолом. Сию благодать воздаем и свидетельствуем истинно и праведно, что имеют они великие протори, и о том молим и просим твоего царскаго величества, да восприимеши их в тихом образе и помощь сотворишь им»⁶⁴.

Покровительствовал Феофан и некоторым афонским обителям, о которых он посылал в Москву рекомендательные грамоты. Так, в 1623 году прибыл в Москву за милостынею афонского Ватопедского монастыря [С. 103] игумен Никодим, с которым Феофан от 10 июня 1622 года писал государю: «Послан есть по святую милостыню преподобный отец Никодим, игумен святогорской Ватопедской, зане многая нужная потреба монастырская понуди его, не точию же, но и долги и бесчисленные напасти агарянские; еще ныне и глад у них есть. Тем же аз знаячи место тое святое и его честную особу, прилежно молю, да усердным сердцем и благословенною рукою изобильно подайте руку помощи и святую милостыню». В 1631 году прибыли в Москву за милостыней просители из афонской лавры св. Афанасия, за которых Феофан просил царя и патриарха, свидетельствуя о бедственном состоянии лавры и о необходимости для ее существования царского вспоможения. Из этого же монастыря в 1641 году приезжал в Москву за милостыней архимандрит Иосиф со старцами, причем Феофан писал государю, что когда он, Феофан, был в том монастыре, то старцы просили у него рекомендательной грамоты к государю. «И мы ныне, – заявляет Феофан, – пишем к великому твоему царствию,

⁶³ 7134 г. № 17.

⁶⁴ 7138 г. № 12; 7144 г. № 19.

молим и просим, да пожалуешь приимеши их в милостивом образе и воздашь им милостыню, да будешь новый соорудитель для того, что они имеют великую налогу от иноплеменных держащих нас и имеют неоплатный долг... Посем молим и мы великаго твоего царствия, да воспреимиши их, что они люди добрые и верные от святого и славнаго монастыря, да пожалуй им свою царскую жалованную грамоту, чтобы им держать в монастыре для памяти вашего царского величества жалованья». В том же 1641 году Феофан ходатайствует перед государем за посланных афонского Благовещенского Филофеева монастыря, [С. 104] чтобы государь дал им свою милостыню «и на монастырское строение, чем им кельи починить, и оплатить долг»⁶⁵.

И за другие греческие монастыри нередко ходатайствовал Феофан перед русским правительством. В 1630 году в Москву приехал Парфений, архимандрит Никольского погоянинского монастыря. С ним Феофан писал государю, что монастырь «иже во святых отца нашего Николая, архиепископа Мирликийского, Чудотворца пребывал в добре в руках греческих и в богатстве, и ныне наводнениями лукаваго диавола раззорили агаряне многие пречудные церкви Божии и монастыри в месте том. И ныне таким же делом сей монастырь раззорился от безбожных агарян до конца, – тому есть лет сто, как разорен. А еже всеблагий и милосердый Господь, всем Церквам глава, что есть дал по божественному своему по ревнованию сему архимандриту господину Парфению, смыслом своим и разумом, опять соорудил и воскресил от основания, и обновил и украсил, якоже по-прежнему, и собрал до 30 человек братии. Но ненавистник всякой добродетели диявол вложил мысль некоему вельможе агарянскому опять раззорить до основания святую обитель. Только 60 000 денег, обещанных безбожному вельможе, спасли монастырь от уничтожения. Вследствие сего обещания архимандрит задолжал и теперь прибегает к его царскому величеству за помощью и милостынею на освобождение от того тяжкаго долга». В 1644 году 26 октября Феофан писал государю рекомендательную грамоту об архимандрите Иеремии морейского Успенского монастыря. [С. 105] В ней он говорит: «Промеж двух областей – Коринфы и Палеопатры – пребывает славный монастырь во имя Пресвятой Богородицы в великой пещере, строение блаженнаго и благочестиваго царя бывшего – Андроника Палео лоба, и в нем пребывает святая икона, что писал апостол и евангелист Лука, образ Пресвятыя Богородицы, своею рукою, и многие чудеса творит, исцеляет всяких немощных и недужных, которые прибегают к ней с верою по сей день. И ненавистник роду христианскому научил некоторых злых людей, и зажгли около монастыря, и монастырь весь сторел, только Бог сохранил одну божественную церковь, и учинился им великий изьян и протори. И се та церковь от многих лет развалилась, и они, отцы, с великими долги и трудами изнова ту церковь от основания всю каменную со сводами для крепости ото всякого страху построили, и от того тот монастырь одолжал неизреченным долгом, и, сверх того, в проторех на всяк день от приезжих стояльщиков. И они, тамо пребывающие братия, хотя от такого долгу заплатиться, заложили святые церковные сосуды и не возмogli заплатиться от такого долгу, у смыслили промеж себя, избрали и посылают к великой вашей царской милости преподобнаго архимандрита господина Иеремия помощи ради». Затем Феофан просит государя дать милостыню бедствующей обители в размере, как ему заблагорассудится⁶⁶.

Между рекомендательными грамотами Феофана встречаются и такие, которыми он ходатайствовал перед государем и патриархами за отдельных каких-либо [С. 106] лиц. Так, в 1630 году приехал в Москву греческий архимандрит Григорий, о котором Феофан писал государю: «Извещаю самодержавному твоему царствию, яко писание се о священномонахе, о господине Григорие, архимандрите великие церкви: от Бога удался, освободил (Григорий) двух невольников – бегали от стороны измаильские и взял их доедучи в молдавской земле, и прибежали за ними хозяева их, и поймали и посадили в тюрьму, и ограбили житие его все и хотели его каз-

⁶⁵ 7131 г. № 4; 7140 г. № 3; 7149 г. № 15 и 20.

⁶⁶ 7138 г. № 17; 7153 г. № 26.

нить. И некоторые христиане о нем тружались, окупили его от безбожных агарян и из тюрьмы освободили за 28 000 турецких денег, а взяти им того долгу негде, и головы своей приклонити не имеют нигде, – приедут к благоутробному царствию твоему и призри его милосердным своим оком и пресветлым лицом, яко подобает, и милостину ему подай, како благоизволишь, чтоб возможно было ему тяжкий долг свой оплатить – 28 000 денег». В том же году Феофан писал государю об архиепископе Македонском из погорянинского Петропавловского монастыря Софронии, что он разорился от тяжкого долга, наложенного на него агарянами, которым он заложил все сосуды церковные и священные одежды, чтобы тем хотя сколько-нибудь облегчить свое бедственное положение, почему Феофан и просит государя помочь бедному архиепископу освободиться от долга и тем избежать тесноты агарянской. В грамоте к Филарету Никитичу, извещающая его о горькой участи Софрония, просит не оставить достойного архиерея ходатайством перед государем и дарованием ему от себя милостыни. В том же году в Москву прибыло два грека, о которых Феофан писал государю, «что сперва они были благодатны и [С. 107] покойны, но нечестивые и безбожные агаряне, яко суть всегда они недруги и ругатели веры нашей, ограбили их нощию разбойническим обычаем и все животы их побрали и, сверх того, двух из детей обусурманили в свою нечестивую веру и ушли. Было у них иные четверо детей, и они заложили их у безбожных в руках за 40 000 денег, и ныне им долгу оплатить нечем – взять негде и головы свои приклонити не имеют нигде, прибегают к милосердому святому твоему царствию, просящи помощи. И сего ради молим великому твоему царствию, призри их». В том же году Феофан прислал в Москву своего служителя Андрея с грамотою к государю, в которой просит его дать Андрею милостыню на окуп его родителей, которые арестованы турками. Или, например, Феофан так пишет о некоем греке Константине: «Сей крестьянин, именем Константин, жил в Царьграде на Калате, ремеслом серебряный мастер. И скорым делом учинился пожар и выгорела одна сторона на Калате и сгорела у него лавка со всем товаром, что имел дела чужие – боярские и те дела растопились, а иные разграбили серебряное и золотое – счетом на две тысячи ефимков. И потом сей Константин, продав все свое имение – дом и винограды, и заплатил 1200 ефимков, а осталось еще 800 ефимков. И заложил жену свою и детей в иноплеменных руках у турчен и, не имея, где прибегнути», обращается за помощью к царю⁶⁷.

Справедливость требует, однако, заметить, что далеко не все рекомендательные грамоты, писанные от имени Феофана и привозимые в Москву разными просителями [с. 108] милостыни, в действительности принадлежали патриарху Феофану. Между этими грамотами, несомненно, немало было и подложных, сфабрикованных разными проходимцами в Молдавии, где умели подделывать и патриаршие подписи, и самые патриаршие печати. А так как патриарх Феофан был особенно почитаем и уважаем в Москве и его рекомендации имели здесь особенно веское значение, то и злоупотребления его именем были поэтому особенно часты. Это хорошо знал и сам Феофан, почему он и решился предостеречь от наглых обманщиков русское правительство. В 1636 году прибыл в Москву грек Иван Петров, который от имени Феофана сделал в Посольском приказе на имя государя такое заявление: «Молит (патриарх Феофан) великому твоему царствию: которые приезжают с грамотами к великому твоему царствию монастырские старцы и бельцы, и вам бы им не верить, потому что блаженнейший патриарх грамот никому не дает, только своим людям о милостыне»⁶⁸. Что злоупотребления патриаршим именем со стороны разных проходимцев, являвшихся в Москву в качестве бедствующих просителей милостыни с подложными рекомендательными патриаршими грамотами, были действительно значительны, это видно не только из приведенного заявления Феофана, но и из того, что преемник Феофана, патриарх Паисий, вскоре по вступлении на патриарший престол счел необходимым предпринять против этого сильно распространившегося зла особые меры, вполне справедливо

⁶⁷ 7138 г. № 5, 7, 17, 24; 7156 г. № 20.

⁶⁸ 7114 г. № 9.

полагая, что наглые обманщики своими проделками и недостойным [С. 109] поведением в Москве могут дискредитировать в глазах московского правительства как настоящих, действительно заслуживающих помощи просителей милостыни, так и самих патриархов, именем которых они прикрываются. В этих видах в 1646 году патриарх Паисий писал государю: «Извещаю великому и державному и святому вашему царствию о некоторых торговых людях и черньцах: что они научились составлять ложные печати и пишут грамоты будто от меня и привозят к царствию вашему, и за то им подобает великое наказание и поучение, чтобы не обманывали народ христианский, также и царей. И сего ради посылаю сие мое знамя (печать), чтобы вам вперед было ведомо и верно: которые люди учнут вперед приезжати от нас с двумя печатями: большая печать по достоянию внизу грамоты под подписью, а меньшая печать поверх грамоты с правой руки у титула, – по тому учнете узнавать вперед те наши грамоты»⁶⁹.

Таким образом, сами патриархи указывали русскому правительству на существующие злоупотребления со стороны просителей милостыни, внушали ему осторожность и разборчивость в отношении к ним, предпринимали и со своей стороны некоторые меры, чтобы предохранить московское правительство от возможных обманов со стороны недобросовестных просителей милостыни. Но нашему правительству очень трудно, однако, было разобраться в массе просителей, чтобы отличить между ними настоящих от обманщиков и уличить последних, так как все просители обыкновенно старательно прикрывали друг друга и [С. 110] наше правительство не имело средств, а часто и охоты заниматься раскрытием обманов со стороны некоторых просителей милостыни. Только в тех случаях, когда просители, не поладив почему-либо между собою, подавали правительству жалобы друг на друга с взаимными обличениями, оно поневоле начинало расследование этих жалоб и уличенных в обманах и разных неблагоприятных проделках или высылало за границу, или посылало на смирение в какой-либо русский монастырь, пока не исправятся.

Представленный очерк сношений Иерусалимского патриарха Феофана с русским правительством приводит к следующим заключениям.

После падения Константинополя Феофан был первый греческий патриарх, который получил возможность оказать и действительно оказал влияние на внутреннюю русскую церковную жизнь в смысле ее сближения с тогдашней греческой церковной жизнью. Благодаря ему у нас были оправданы и признаны правильными книжные исправления, совершенные прп. Дионисием под влиянием книжных исправлений прп. Максима Грека и отчасти при помощи греческих печатных книг; благодаря Феофану изменены были у нас некоторые старые неправые церковные обычаи вроде трикратного раздаяния Святых Даров в Таинстве Евхаристии и, вероятно, другие, так как государь и Филарет Никитич советовались с Феофаном о разных духовных делах и руководствовались его внушением «древних уставов четырех патриаршеств не отлучатися». Благодаря этому обстоятельству, со времени пребывания Феофана в Москве русская церковная жизнь, со времени падения Константинополя почти совсем было отстранившаяся от тогдашней [С. 111] греческой церковной жизни, начинает снова заметно подчиняться греческому влиянию, которое развивается затем в полной силе уже при патриархе Никоне.

Со времени пришествия в Москву Феофана устанавливаются самые близкие и постоянные сношения между иерусалимскими патриархами и русским правительством, которое благодаря постоянно присылаемым в Москву патриаршим грамотам и устным разъяснениям в Москве патриарших посланных знакомится с тогдашним положением Святых Мест, из-за которых шла упорная борьба православных с католиками и армянами, причем русское правительство начинает принимать хотя и косвенное, но все-таки деятельное участие в этой борьбе, посылая Иерусалимскому патриарху более или менее значительные подарки и денежные дачи на искупление и поддержание Святых Мест в Палестине. Эта именно сторона в сношениях

⁶⁹ 17154 г. № 18.

нашего правительства с Феофаном составляет центральный пункт этих сношений ввиду того, что Феофану во время его патриаршества действительно пришлось вести продолжительную и упорную борьбу из-за Святых Мест то с католиками, то с армянами, почему он постоянно нуждался в денежной помощи. В 1629 году католики овладели было Святою Пещерою и Голгофою и даже искали убить самого Феофана, который только благодаря счастливой случайности избежал смерти. Ему, однако, удалось выхлопотать у султана фирман, возвращавший православным отнятые было у них Святые Места. В 1634 году латиняне снова возобновили борьбу с православными и благодаря подкупу турецких властей овладели было Святыми Местами; но православные перенесли дело на рассмотрение верховного [С. 112] суда и остались победителями. И сильные своим богатством армяне точно так же задумали было в 1633 году отнять у греков первенство при Святом Гробе, опираясь на расположение к ним визиря и на подкуп одного паши, друга султана. Беда угрожала православным серьезная, тем более что армяне тратили на подкуп огромные суммы (до 160 тысяч флоринов). Но и на этот раз греки нашлись и ловко сумели обратить дело в свою пользу, так что султан приказал даже казнить своего подкупленного армянами друга пашу, а также важнейших армян, зачинщиков этого дела⁷⁰. Борьба с латинянами и армянами потребовала больших денежных затрат, так что Феофану приходилось закладывать и утварь Святого Гроба, и свою собственную митру, приходилось занимать деньги под большие обременительные проценты, вследствие чего у патриархии явились большие долги, которые нужно было уплачивать. Этим тяжелым материальным положением Иерусалимского патриархата и объясняется, почему Феофан чуть не в каждой грамоте, посланной им государю, жалуется обыкновенно на беды и тяжелое положение Иерусалимского патриаршего престола, особенно вследствие притеснений и несправедливостей, какие тогда приходилось терпеть православным от происков латинян и армян, почему он чуть не в каждой грамоте просит и молит государя о присылке милостыни Святому Гробу, постоянно твердит о том, что без царской поддержки и милостыни они могут окончательно погибнуть под натиском неверных и иноверных; этим же объясняется и то обстоятельство, почему Феофан так ревниво и подозрительно отнесся к Веррийскому [С. ИЗ] митрополиту Аверкию, предположив в нем враждебного ему человека, способного умалить посылаемую из Москвы милостыню Святому Гробу. Русское правительство со своей стороны всегда очень внимательно относилось ко всем просьбам и ходатайствам Иерусалимского патриарха, выражало полное сочувствие его бедственному положению и оказывать посильную денежную помощь бедствующим Святым Местам стало считать с этого времени своею прямою, неременною обязанностью.

Наконец, с Феофаном выступила и совершенно новая сторона в сношениях иерусалимских патриархов с русским правительством, какой вовсе не было ранее при патриархах Германе и Софронии – Феофан первый из иерусалимских патриархов делается тайным русским политическим агентом в Турции, сообщаящим в Москву разные политические вести, касающиеся тогдашнего положения дел в Турции. Уже в настольной грамоте Филарету Никитичу Феофан заявляет, что им, восточным иерархам, пользующимся милостями царя, «надлежит всею душою и мыслию святому и великому его царствию служить и услуги показывать», хотя практически он начал служить русскому правительству в качестве его тайного политического агента значительно позднее. Русское правительство не имело тогда при иностранных дворах постоянных послов, которые бы на месте следили в той или другой стране за течением политических дел, а между тем знание современного положения этих дел, особенно в Турции, имело для нашего правительства исключительную важность, почему оно и завербовало с конца XVI века к себе на службу в качестве тайных политических агентов разных греков, [С. 114] начиная с патриархов и других духовных особ и кончая простым греком-купцом. Эти агенты обязывались внимательно следить за всем, что происходило в Турции, и обо всем, что узнают, немед-

⁷⁰ Досифей Иерусалимский. История патриархов Иерусалимских. Кн. XII, гл. I, §§ 3, 6 и 9.

ленно уведомлять московское правительство через особые вестовые письма, которые пересылались в Москву с верными людьми. Наше правительство сильно дорожило этими вестями, идущими прямо из Турции, и всячески поощряло и награждало за это ревностных и опытных агентов, умевших сообщать в Москву и свежие, и более или менее важные вести. Феофан увидел, какую большую цену придают в Москве сообщаемым из Турции политическим вестям и каким особым расположением московского правительства пользуются его тайные политические агенты в Турции, и потому решил поступить в их число, чтобы этим приобрести еще большие милости и расположение русского правительства. В грамоте к Филарету Никитичу в 1634 году Феофан пишет: «А с которыми великими людьми знаемся, и мы всегда их понуждаем на помощь царствию вашему», и тем дает понять, что он, пользуясь своими связями, готов оказывать политические услуги нашему правительству. И действительно, с этого года Феофан начинает более или менее правильно присылать в Москву такие грамоты, в которых, наряду с просьбами о милостыне и известиями о делах Святого Гроба, сообщались и разные политические вести, хотя, правда, очень неважные и почти всегда запоздалые по сравнению с вестями, присылаемыми другими агентами. Побуждения, которые в этом случае руководили Феофаном, он сам довольно откровенно высказывает в одной из своих грамот к государю в 1638 г.: «Пишем и объявляем, что деетцав [С. 115] Цареграде, и о том у нас бывает великий страх – о том бо есть и вам ведомо. Только наша великая любовь и для благочестия твоего и для милостыни, что имеешь к нам, понуждает нас писати и объявляти».

Таким образом, в лице Феофана иерусалимские патриархи знакомятся с русской церковной жизнью и оказывают на нее некоторое влияние, успевают укрепить в московском правительстве убеждение, что оно обязано оказывать материальную помощь и поддержку Святым Местам, и, наконец, сами патриархи поступают на службу к русскому правительству в качестве его тайных политических агентов в Турции.

Глава 3

Сношения патриарха Паисия с русским правительством

[С. 116] Первого декабря 1645 года в Москву прибыл сербский митрополит Симеон, который привез государю известительную грамоту от нового Иерусалимского патриарха Паисия, писанную 18 июля 1645 года. Эта грамота Паисия начинается так:

«Трисолнечная и светоначальная Троица, Бог наш: Отец, Сын и Святой Дух, всю тварь премудростью сотвори неизчетною своею благостью, Его же славят немолчными устнами со страхом и трепетом многоочитая Херувим и шестокрыльная Серафим и все Небесные Силы; тож и мы на земли, вкупе с ними, недостойными устами поем, и благословляем, и кланяемся, славословим, и глаголем: сей есть Бог наш, а мы людие Его, яко умножи милость Свою на нас и восприя нас неизчетными человеколюбия чудесы и показа нам путь спасению, о Нем же живем и движемся и есмы, Ему слава и держава во веки. Аминь от Бога Вседержителя и Господа нашего Иисуса Христа».

После такого вступления Паисий извещает государя о смерти Феофана, «оставившаго святейший и апостольский престол без наследника, без пастыря [С. 117] и учителя», вследствие чего, согласно древним преданиям святых отцов и церковному чину, составился Собор из преосвященных митрополитов, архиепископов и епископов, преподобных архимандритов и игуменов для выбора и поставления нового патриарха. «Святой архиерейский весь Собор, милостью всеблагаго Бога, избрали и нарекли по закону и церковному преданию меня, богомольца святого великаго вашего царствия – инокосвященника Паисия, бывшаго игумена в божественной и государской обители у Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, пребывающаго в молдавской земле в Яссах, по повелению благочестиваго и пресветлаго государя Василия, воеводы всея молдавские земли, о Духе сына возлюбленнаго нашего смирения и вернаго друга святого великаго вашего царствия. И благодатью Пресвятаго Духа стал есми патриархом природным на святом и апостольском престоле Святого Града Иерусалима, месяца марта в 23 день, в воскресной день, в божественной и государской обители иже во святых отец наших Василия Великаго, Григория Богослова, Иоанна Златоустаго, от экзарха преосвященнаго митрополита св. митрополии Ларсы господина Григория, и тутошние молдавские земли преосвященнаго митрополита господина Варлаама и от боголюбезнаго епископа господина Анастасия Роудицкаго, и господина Лаврентия Косандрейскаго, по повелению святейшаго и Вселенскаго патриарха господина Парфения, о Святом Дусе возлюбленнаго брата и сослужителя нашего смирения, – и почтили все меня, Паисия, богомольца великаго вашего царствия, природным и истинным Патриархом Святого Града Иерусалима и всеа Палестины. И сего ради, благочестивый, державный и великий государь князь Михаил Феодорович всеа Руси, [С. 118] объявляем и мы, богомольцы к великому и святому вашему царствию сею нашею смиренною патриаршескою грамотою, сие наше законное восхождение и поставление ко святому и апостольскому сему престолу». Затем Паисий заявляет о своей непрременной обязанности как всегдашнего царского богомольца непрестанно молить Бога о царе, царице и всей царской семье, извещает о получении царской грамоты и милостыни, что была послана государем с архимандритом Анфимом. В заключение грамоты новый патриарх пишет: «Мы, богомольцы ваши, здесь пребываем на нашем патриаршеском престоле, терпим повсядневно великие нужи и труды, и протори неизчетные имеем, и погибаем зело обидимы от безбожных еретиков, что всегда они ищут времени отнять у нас некоторые поклонные Святые Места и стоят с денежною силою и иноплеменными людьми... А мы, богомольцы великаго вашего царствия, стоим прежде Божию помощию, а потом силою и помощию вашего царскаго величества, и всяким раденьем и любовию большою, покаместа живем, да соблюдаем святыя и божественныя места, якоже соблюли и преж меня святейшия патриархи, имеячи надежду и упование на великое и

святое ваше царствие, что всегда распространяешь благочестивую и высокую святую державу и царскую десницу ко святому и живодавному Гробу Христову, соблюдати от всякие измены сопротивных врагов. Посем не имеем, где восприбегнути и помощи получитьи во многих наших бедах и напастех, токмо к человеколюбию и к милосердию царствия вашего, благочестивый святыи царю. Посем Господь наш Иисус Христос да воздаст победу и державу на врагов видимых и невидимых, да распространит и умножит державу [С. 119] великаго вашего царствия в сие земное временное царствие, потом сподобит небесному и безконечному царствию»⁷¹.

Эта первая грамота Паисия вместе с тем есть и первая известительная грамота, какие с этого времени уже обычно стали посылать в Москву все новые последующие иерусалимские патриархи. Вместе с тем она показывает, что Паисий, уже ранее два раза бывший в Москве, позаботился немедленно по вступлении на патриарший престол войти в сношения с московским правительством в видах получения от него на будущее время милостыни и поддержки для Иерусалимской патриархии. Наконец, эта грамота интересна и в историческом отношении, так как в ней сам патриарх Паисий говорит о том, где, кем и при каких условиях произведены были выборы и поставление его в патриархи Иерусалимские.

Смерть царя Михаила Феодоровича и вступление на царский престол Алексея Михайловича дали повод патриарху Паисию послать в Москву с греком Феофилом Ивановым новую грамоту, писанную им от 21 сентября 1646 года, в которой он заявляет по поводу смерти Михаила Феодоровича: «Слышали есми, что весь благочестивый народ имели его (Михаила Феодоровича) единопохвальную и единокровную славу и много неисчетное веселие, якоже да был Богом венчанный православный царь на посрамление еретиком и отпадшим; но и паки к бедным и обидимым от нечестивых – ко архиереом и к архимандритом и ко всем церковным и к мирскому житью и чину – к благочестивым греческим христианом, тоже и мы и апостольский и святой наш престол Святаго [С. 120] Града Иерусалима со всем нашим святым Собором святаго и живодавна Гроба о Христе с братнею – едино имели его великаго поборника и утвержденного сильного столпа и теплаго помощника ко всякой нужде и надобью ко святому и живодавному Гробу». Нового государя патриарх Паисий просит умножить милостыню ко Святому Гробу, и за это Господь его прославит, как некогда прославил Соломона, соорудившего храм в Иерусалиме. Заявляет, что он, патриарх, пребывает в великих долгах, «и то нам чинят еретики, наиболее армяны и латыни, и те армяны учинили нам великие протори, и для тех проторей мучуся ныне в Цареграде», и в заключение пишет, что по умершем государе не только сам служит сорокоуст, но и дал приказ в Иерусалиме, чтобы там ежедневно служили не сорок дней, а целый год.

В другой грамоте от 25 сентября 1645 года Паисий благодарит государя за все те милости, какие явил Святому Гробу его отец: «Милость ваша царская богатоударная аки солнце восияет и светит во всю вселенную и к теплоти его движутца и живут всячески; такожде и святое ваше царствие воскаплет едину каплю росы от милости вашей неизреченные и напоит всех». Затем говорит в грамоте о торговых людях и чернецах, что являются в Москву с подложными патриаршими грамотами, почему он указывает признаки, по которым московское правительство на будущее время всегда может отличить его подлинные грамоты от возможных поддельных⁷².

Патриарх Паисий, ранее уже два раза бывший в Москве в качестве посланца патриарха Феофана, сумел понять и оценить великую важность все более [С. 121] усиливавшегося Московского царства для всего православного Востока, почему он и решился войти с московским правительством в близкие сношения не через грамоты только, но через личное посещение Москвы в сане патриарха, как это уже сделал его предшественник Феофан, причем Паисий имел в виду не одну только получку богатой милостыни в Москве, но и иные цели. Так как дело

⁷¹ 7154 г. № 6.

⁷² 7154 г. № 18.

о приезде в Москву патриарха Паисия дошло до нас, то мы и опишем это важное во многих отношениях событие с возможною подробностью.

1 декабря 1648 года в Москву приехали Афонской горы зографского великомученика Георгия монастыря черные попы: Петроний, да Палладий, да Сильвестр, бить челом государю о милостыне по имеющейся у них жалованной грамоте. На допросе в Посольском приказе афонские старцы объявили, «что они из Молдавские земли поехали октября во 2 день вместе с Иерусалимским патриархом Паисием и приехали октября в 19 день в Литовскую землю до города Веницы, и в том городе патриарх остался для того, что из Молдавские земли посылал он, патриарх, к гетману Хмельницкому, а для чего посылал и кого посылал, про то они не ведают. А после того гетман Хмельницкий прислал в Молдавскую землю к патриарху Паисию полковника и он, патриарх, с тем полковником поехал из Молдавские земли в Литовскую землю и приехали в Веницу, а из Веницы полковник поехал к гетману Хмельницкому, а патриарх в том городе Венице остался, – дожидается вести от гетмана Хмельницкого, а какой вести дожидается и о чем меж ними ссылка была, про то они не ведают. И с тем Иерусалимским патриархом едут старцы и [С. 122] бельцы человек с тридцать; а слышали они от патриарха, что он будет к великому государю к Москве для милостыни, и в Путивль хотел быти вскоре».

В тот же самый день, когда афонские старцы заявили в Посольском приказе, что в Москву едет Иерусалимский патриарх Паисий, прислал в Москву государю донесение и путивльский воевода Плещеев с известием, что один приезжий грек на допросе сказал ему, «что в Киеве объехал он Иерусалимского патриарха Паисия, а едет он, патриарх, к великому государю в Москву челом ударити его царскому величеству и в Путивль-де будет он вскоре». Ввиду этого воевода спрашивал государя: «Как Иерусалимской патриарх в Путивль приедит, как его принимать и по чему ему корму давать, и из Путивля его к Москве отпускать ли, и сколько подвод и в дорогу корму дать?» Вследствие этого донесения воеводы к нему немедленно, 2 декабря, послана была в Путивль государева грамота, в которой ему приказывалось: «Как Иерусалимский патриарх в Путивль приедет, и его велено принять и поставить на добром дворе, и в разговоре с ним поговорити про цареградские и про литовские вести, и отпустить его совсем к государю к Москве с приставом, выбирая из путивльцев из лучших людей сына боярского добраго, а корм и подводы дать, как им мочно подняться»⁷³. О времени прибытия патриарха в Путивль, о том, когда он выедет из Путивля, сколько ему дано было корму и подвод, велено было с нарочитым гонцом [С. 123] прислать немедленно отписку в Москву, а посланному с ним приставу немедленно прислать весть в Москву, лишь только патриарх приедет в Калугу, где он должен побыть до царского указа.

Сделаны были и другие предварительные распоряжения на случай приезда в Москву патриарха Паисия. Так, 10 декабря приказал государь послать в Калугу «его государева жалованья – две шубы, в чем ему, патриарху, ехать из Калуги до Москвы: одну соболью под камкою, а другую песцовую под тафтою против прежняго, каковы были посланы из Москвы в Тулу ко прежнему Иерусалимскому патриарху Феофану». Между тем в Москве 19 декабря допрашивали афонских монахов Петрония и Палладия о Иерусалимском патриархе Паисии, из которого монастыря взят он на патриаршество и в котором году и каков он собою ростом⁷⁴. И зографского монастыря черные попы Петроний и Палладий сказали: Иерусалимский патриарх Паисий был наперед сего в молдавской земле в монастыре Успения Пречистые Богородицы

⁷³ Корму патриарху от Путивля до Москвы велено было дать по алтын на день, да питья: по 3 кружки меду, по 3 кружки пива надень; архимандриту и келарю по 10 денег на день человеку, архидьякону 9 денег, дьякону и простым старцам по 8 денег, людям патриаршим по 6 денег человеку на день.

⁷⁴ Станный на первый взгляд допрос о том, из какого монастыря взят в патриархи Паисий, в каком году и какого он роста, когда Паисий ранее два раза был в Москве и ранее прислал в Москву обстоятельную грамоту о времени и обстоятельствах своего избрания в патриархи, просто объясняется тем, что эта инструкция о допросе была составлена еще при приезде в Москву патриарха Феофана и, по тогдашнему обычаю, механически воспроизведена была, когда от приказа потребовали составить инструкцию для встречи и приема патриарха Паисия.

архимандритом и из того монастыря взят в Иерусалим на патриаршество, а в котором году, того они подлинно не упомянут, а ростом тот патриарх Паисий средним, а в плечах широк⁷⁵. Указом государя от 29 декабря [С. 124] велено было послать в Калугу патриарху Паисию с двора разной рыбы и питья, что давать едучи от Калуги до Москвы патриарху «в почесть», т. е. сверх положенной ежедневной дачи корму и питий.

Между тем путивльский воевода извещал государя, что 5 января 1649 года в Путивль приехал Иерусалимский патриарх Паисий, в свите которого, кроме духовных лиц, было еще «патриарших детей боярских и слуг 25 человек», в которых воевода признал хорошо ему известных греческих купцов. Воевода спрашивал-де патриарха, чтобы он «сказал именно про торговых людей», так как-де в 1648 году состоялся царский указ, чтобы гречанам торговым людям подводы под себя и под товары нанимать на свой счет и поденного корму им в дорогу не давать. Но патриарх про сопровождавших его торговых людей заявил воеводе, что они «хотя и были прежде сево торговые люди, только-де ныне служат ему, патриарху».

Десятого января патриарх Паисий был отпущен из Путивля в Москву, и в тот же день государь отправил в Калугу для встречи там патриарха Федора Мякинина, который должен был поступить по следующему наказу: приехав в Калугу и отдав там воеводе государеву грамоту о патриаршем отпуске, Федор тотчас же должен был идти на подворье к патриарху и здесь сказать ему «от государя речь: Божиею милостию [С. 125] великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец (следует полный царский титул)... тебе, святейшему Паисию патриарху Святаго Града Иерусалима, велел поклониться и велел тебя о здоровьи спросить: здорово ли еси дорогою ехал? – А после того говорить: Божиею милостью великий государь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец и многих государств государь и обладатель, велел мне тебя встретить в Калуге и велел мне с тобою ехать к Москве и корм тебе давати. Да к тебе ж, святейшему патриарху, великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Руси самодержец, прислал для дорожнаго проезда платья: две шубы, одна соболья под камкою, другая песцовая под тафтою, да сани с полостью и санником, в чем тебе дорогою ехать. А изговоря речь, то государево жалованье ему, патриарху, дати, да ехать с патриархом и с архимандритом его и со старцы и со всеми служебники, которые с ними, к Москве». Кроме того, Мякинину наказывалось: «Дорогою береженье к патриарху и к архимандриту и к старцом и ко всем служебником держать великое, чтоб им в дороге ни от кого безчестья никакого не было, и разведывать, что и ныне он, патриарх, патриаршество Иерусалимское держит ли, нет ли кого на его место иного, и для чего он к государю едет – для милостыни или для иных каких дел, и есть ли с ним какой приказ к государю ото всех Вселенских патриархов?» Сверх того, Федору Мякинину приказано было расспросить про Хмельницкого и вообще про дела малороссийские и польские, «а проведовати Федору приказано было про то опознався с ним (патриархом) гораздо в разговорах, а не явно». В Калугу с Мякининым послано было для встречи патриарха десять стрельцов.

25 января Федор Мякинин доносил государю, что 24 января, в первом часу дня, он встретил за 50 верст от Калуги патриарха Паисия и 25 января расспрашивал его по наказу царскому, и патриарх говорил [С. 126] в расспросах, что патриаршество Иерусалимское держит он сам, а в Москву едит он «на твоих великих и преславных государствах российского царствия поздравити и благословити, а от Вселенских патриархов к тебе, государю, никакого приказу с ним нет». Вместе с этим Федор Мякинин, извещая царя, что 26 января патриарх будет ночевать уже под Москвою, в селе Семеновском, на подхожем стану, спрашивал, как поступить ему в этом случае относительно въезда в Москву.

⁷⁵ Досифей говорит про патриарха Паисия, «что он ростом мал, с бороною длинною, смугл, общителен, мужественен, правдолюбив, сановат». Досифей передает ходивший про него, Паисия, рассказ, что будто бы «он один поверг на землю двадцать человек (напавших на него) разбойников и лошадей их взял» (Кн. XII, гл. 1, § 10).

Въезд патриарха в Москву назначен был на 27 января. По указу государя, патриарха должен был встретить за городом князь Евфимий Мышецкий и проводить его до самого Чудова монастыря, где Паисию назначено было жить во время пребывания в Москве. При встрече князю наказано было говорить патриарху: «Милостью Божиею и государское имянованье с полною титулою, а после того править от государя патриарху поклон и о здоровья спросити. А после того молвить государское имянованье и что велел государь его, патриарха, ему, князю, встретить и на двор ехать, где ему, патриарху, стоять. А как патриарх приедет к Чудову монастырю, встретить его во святых воротех чудовскому архимандриту Кириллу со всем Собором в ризах, с крестом и кандилы. И как патриарха встретят и патриарх, возьмет у архимандрита крест, приложится наперед ко кресту сам; потом архимандриту и всему Собору от патриарха благословится, и пойдет патриарх в соборную церковь архистратига Михаила и ко Алексею чудотворцу, и учнет прикладываться к образам и к чудотворцов раке, и слушать ему литургии соборные, и служить архимандриту самому, а с ними священником и диаконом, а от [С. 127] церкви патриарху идти в келью, где ему велено стоять».

Князю Мышецкому дан был затем наказ, как он должен был вести себя при отправлении им должности пристава при патриархе. Наказ говорит: «А князю Евфиму (вместе с Федором Мякининым) к патриарху береженье держать и над переводчики и над детьми боярскими надсматривать, чтоб патриарху и архимандриту его и старцем и всем его служебником корм давати сполна до росписи⁷⁶. А чего патриарх и в запрос попросит, и им про то сказывать в Посольском приказе, и береженье им во всем к патриарху держать великое, и к нему приходить честно и его чтити потому ж, как и первопрестольника Российскаго государства, святейшаго патриарха Московскаго. Да и того князю Евфимию и Федору беречи, чтоб к патриарху никто не приходил гречан и турчан и иных никаких иноземцов, и его людей никого с монастыря не спущати; а что от патриарха [С. 128] и от митрополитов и от иных властей московских почнут приходить с кормом, – и князю Евфимию и Федору тех людей с кормом пущати велети. А хто иноземцов учнет к патриарху проситься, а патриарх их велит к себе пущати, или патриарх про которых иноземцов учнет говорити, чтоб к нему пущати, – и князю Евфимию о том патриарху говорить, что он про то скажет государевым бояром и посольскому думному дьяку, а без боярскаго ведома таких людей иноземцов пущати он не смеет, покаместа он, патриарх, у государя будет. А буде патриарх спросит о летех и возрасте великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси, и им говорить: великий государь наш, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси самодержец, его царское величество, ныне в совершенном возрасте – двадцать лет, и дородством и разумом и красотою лица и милосердным нравом и всеми благими годности всемогущий Бог украсил его, великаго государя нашего, его царское величество, хвалам достойнаго, паче всех людей, и ко всем людям, к подданным своим и к иноземцам, его царское величество милостив и щедр, и наукам премудрым философским многим и храброму учению навывчен, и к воинскому ратному рыцарскому строю хотение держит большое, по своему государскому чину и достоянию. А ныне Бог подаровал ему, великому государю нашему, его царскому величеству, сына, а нашего государя благовернаго царевича и

⁷⁶ Лично патриарху во все время пребывания его в Москве велено было выдавать на каждый день «прут белые рыбицы, прут семжины, да блюдо икры паюсные, да блюдо осетрины, да блюдо белужины, да два блюда пирогов пряженных, щука колодка, две уши разных перемеяясь, калач крупичатой». Питья лично патриарху выдавалось на день «кружка меду вишневаго или малиноваго, кружка меду боярскаго, кружка квасу медвянаго, полведра меду паточнаго, ведро меду княжего. Да из Большаго приходу на мелкое: на лук, на чеснок, на масло, на яйца, на крупы, на соль по 5 алтын на день». Всем лицам патриаршей свиты корм и питье выдавались каждому отдельно, причем количество их для разных лиц было различно – более получали высшие лица свиты и значительно менее низшие лица. По особым случаям как сам патриарх, так и вся его свита сверх обычной ежедневной дачи получали еще от государя особый корм и питье. Так, например, патриарху и всей его свите «на приезде» было послано «государева жалованья в почесть корму и питья: 3 кружки меду вишневаго, ведро меду обарнаго, ведро меду паточнаго, ведро меду цеженаго, ведро квасу медвянаго, калач крупичатой, три калача смесных, да людем их по калачу, на 18 блюд ествы добрые».

великаго князя Димитрия Алексеевича, и нам всем, царскаго величества подданным, радость и веселье велие!» А если патриарх спросит, в каких отношениях государь теперь находится со всеми окрестными государями, говорить, [С. 129] что в дружбе. А если патриарх спросит о таких делах, про которые не сказано в наказе, «то ответ держати по делу и говорити посольскими речьми учтиво и остерегательно, чтоб государеву имяни было к чести»; а если приставу вовсе не следует о чем-либо говорить патриарху, то в таких случаях он должен заявлять, что был в дальней службе, возвратился недавно и тех дел не знает.

27 января совершился въезд патриарха Паисия в Москву согласно с составленным ранее церемониалом, а 29 января приказал государь послать к нему спросить его от имени государя о здоровье и поговорить с ним о делах думного дьяка Михаила Волошенинова. Последний, придя к патриарху, говорил: «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа России самодержец и многих государств государь и обладатель, его царское величество, воздаючи честь тебе, святейшему Паисию, Патриарху Святаго Града Иерусалима и всеа Палестины, прислал своего царскаго величества думного дьяка меня, Михаила Волошенинова, и велел тебя спросить о твоём здоровьи: здорово ли еси дорогою ехал, и zde во здравии ль и во спасении пребываешь?» «И патриарх говорил, что он милостью Божиего и великаго государя, царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Русии, жалованьем в дороге ехал и zde в Москве живет, дал Бог, в добром здоровьи, да и в Иерусалиме-де он жил его государским милостивым заступлением и призрением». «И бил челом государю патриарх, чтоб государь его пожаловал, велел ему быть у себя, государя, и видеть свои царскаго величества очи». В то же время патриарх просил Волошенинова, чтобы его из Чудова монастыря, где он угорает и где ему [С. 130] со свитою тесно, перевели на Кирилловское подворье, что и было исполнено.

«Патриарх говорил разговором: приехал-де он к великому государю для того, что в Иерусалиме Гроб Господень в великом долгу, а оплатиться нечем, и он-де для искупления Гроба Господня – для милостыни приехал бить челом государю...

И он-де, патриарх, едучи в Польской земле, в Виннице и в Шаре городе и в иных городах и до Киева, поляков крестил многих (?) и им говорил, чтоб они вперед на православную христианскую веру не посягали. И как-де он, патриарх, был в Киеве и приказывал от себя гетману Хмельницкому, что он человек крестьянские веры, а сложась с бусурманы, многие христианские крови пролил, а ему-де было о том мочно сослаться с царским величеством. И гетман-де писал к нему, патриарху, что ему о помощи писать было неколи, а покаместо было им о помочи писать, и ляхи б их всех побили и веру искоренили, и он-де, по ссылке с татары сложась, против поляков за православную христианскую веру стоял. Да гетман же Хмельницкий писал к нему, патриарху, что он ко государю о помочи писал, чтоб он, государь, ему, гетману, на поляков помощь велел учинить и войною на них с своей стороны послал и свои города, которые от Московскаго государства к ним, полякам, отошли, их поймал; и он-де, гетман, с своей стороны, с войском на поляков пойдет же и ему государю помогати учнет; а только бы-де государь на то изволил, что свои государевы города у поляков отымать, и он бы де, гетман, все города и до Смоленска под государеву руку подвел, и он-де, великий государь, помощи им, черкасом, [С. 131] учинити и городов у них взяти не изволил. А ныне они, гетман, и все войско запорожское велели ему, патриарху, бить челом царскому величеству, чтобы он, великий государь, изволил войско запорожское держать под своею государскою рукою, а они, черкасы, будут ему, государю, как есть каменная стена, и чтоб он, государь, им помощь учинил ратными людьми, а они, черкасы, ему, государю, вперед будут надобны. И он-де, патриарх, Хмельницкому говорил, чтоб они всегда искали царские милости. И гетман говорил, что он весь в его государеве воле; как государь велит, так он и делать рад. И о том-де у гетмана будет сейм, а с сейму пришлет ко государю послов, а что на сейме приговорит и с каким делом ко государю гетман послов пришлет, того-де он не ведает. Да он-де, патриарх, как у них, черкасов, был, и он всю их мысль видал, что они под государевою рукою быти желают». Заявил

патриарх при расспросах и следующее: «На то-де он, патриарх, слышал у Хмельницкого: как они, черкасы, с поляки помиряются и им, сложась с крымскими татары, итти многими людьми на турскаго чрез волоскую и мутьянскую землю, а волоской и мутьянской будут с ними ж, а только-де волоскому и мутьянскому с ними на турскаго нейти и им самим от них, черкас, и от татар опасенье большое, потому что ныне у них малоллюдно, многие побиты от венециана и меж себя междоусобие».

О себе и о делах Святого Гроба патриарх заявил: «Он учинился во Иерусалиме в патриарсах на патриархово на Феофаново место тому ныне 4 года; а как он ныне поехал из Иерусалима, и он-де приказал после себя ведать духовные дела вифлиомскому митрополиту, [С. 132] а мирские дела иным своим приказным людям. А поставляют-де Иерусалимских патриархов Вселенские патриархи – буде коли который патриарх прилунится, а коли патриарха не случитца, ино Иерусалимские патриархи поставляемы бывают от вифлиомского митрополита и от иных властей».

«А православным Христианом ко Гробу Господню приходити довольно, а кому-де у Гроба Господня случитца помолиться и с них емлют турки по 7 ефимков с человека. А на Гробе Господень благодать Святаго Духа небесным огнем сходит по-прежнему в Великую субботу: стоит-де у Гроба Господня 800 кандил, и турки-де те кандила все погасят в Великую пятницу, а в Великую субботу на вечерни отомкнут турки Гроб Господень, а с него, патриарха, снимут сак и коруну, и как на вечерни учнут пети литью и в то время входит патриарх ко Гробу Господню, а турки тут же входят и осматривают Гроба Господня – шшел ли на Гроб Господень огонь с небеси, и будет еще не шшел, от Гроба Господня выходят и ожидают, как на Гроб Господень огонь с небеси сойдет. А как огонь с небеси сойдет, и перво-де от того огню засветится в паникадиле христианском, которое стоит над Гробом Господним, свеча, а потом на камени, что на Гробе Господни, а потом по всему Гробу Господню рассыплется, что каплины, и от того-де огня он, патриарх, засвечает свечи и дает во весь мир. И было-де единова, что Софрония, патриарха Иерусалимского, как он из Царягорода приехал, турки в Великую субботу не хотели пустить в церковь, а просили у него за то подарков больших, и он им в том отказал и подарков ничего не дал, – и он-де то видел и вне церкви, как огонь [С. 133] с небеси в церковь на Гроб Господень сшол. Да в некое-де время прилунилось быть армянскому празднику – великому дню вместе с христианами, и они-де дали туркам 20 000 ефимков, чтоб им отпечатать Гроб Господень, чтоб огонь с небеси сшед на Гроб Господень при них – армянах. И как-де Гроб Господень отпечатали, и огонь-де с небеси при них на Гроб Господень не шшел, а шшел на руки и засветило свечи у некоторой инокини, которая прилунилась в то время в церкви Воскресения Христова⁷⁷

⁷⁷ Русские сильно интересовались небесным иерусалимским огнем и его свойствами, хотя относительно последнего очевидно и разногласили. Так, русский паломник Василий Гагара (1634–1637 г.) говорит: «Огонь же небесный багровиден, а не как прочий огонь естествен от земнаго огня. Аз же, Василий, у митрополита зажег в едину руку двадцать свеч и нача браду свою палити тем огнем, и не един от влас брады моя погибе и не сгоре; и аз грешный токмо уверовал, что небесный огонь есть, како не сожгло брады моя от огня какова бывает от естественнаго огня, что многие вещи пожигает; такоже и в другоряд и в третий палил браду свою, и никакоже прикоснулся огонь власом моим. Аз же, Василий, прощения просил у митрополита в том, что неверованием одержим был, чаях, что греки тот огонь составляют своим умышлением, а не небесный огонь сходит с небеси» (*Сахаров И.П.* Сказания русского народа. Ч. 2. М., 1837. С. 120). Иона Маленький, вместе с Арсением Сухановым посетивший Иерусалим в 1652 г. и видевший весь обряд при схождении небесного огня, замечает только: «А того не ведомо, как у него (патриарха Паисия) те свещи засветятся: огонь вещественн, как есть огонь». Сам Арсений Суханов, описывая церемонию небесного огня, не говорит того, как он появляется и каковы его свойства (*Белокуров С.А.* Арсений Суханов Т. 1. С. 290). Когда в 1653 году живший в Москве сербский митрополит Михаил отправился на поклонение святым местам, то ему дано было поручение разведать относительно небесного иерусалимского огня все пообстоятельнее. Воротившись в Москву 16 сентября 1657 года, Михаил дал такое показание о своих разведках относительно небесного иерусалимского огня: в Великую субботу перед вечернею, как пришло время идти в самый Гроб Господень, наместник патриарший (а самого патриарха не было) и он, митрополит, ходили около палатки трижды с незажженными свечами. Наместник вошел внутрь Гроба, и хотя давал митрополит почеть немалую турчину, чтобы ему войти в Гроб вместе с наместником, но он заказал турчанам, чтобы опричь его не пускать во Гроб ни митрополита, ни кого-либо иных, и дал им за то почеть большую. Наместник, войдя внутрь Гроба один, затворил за собою двери, был там полчаса и вынес с собою свечи зажженные, говоря, что они засветились от Гроба Господня действием Святого Духа, и раздавал свечи сии митрополиту, армянскому патриарху и прочим людям. «И митропо-

лит-де Михаил того огня испытывал, и от него-де жар и палит так же, как и от прочего вещественного огня»; а каким образом у наместника патриаршего возжегся огонь у Гроба Господня, он не ведает, потому что его, митрополита, туда не пустили, а уже только по выходе наместника входил он и прочие люди для поклонения (Греческие дела 7166 г. № 3).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.